

Ирландская
Республиканская
Армия

Павел Спасовский

Павел Спасовский

Ирландская Республиканская Армия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58859746

ISBN 9785005146519

Аннотация

Эта книга является попыткой непредвзято и максимально объективно проанализировать и объяснить феномен существования и деятельности одной из самых известных в мире террористических организаций – Ирландской Республиканской Армии (ИРА). Данная работа является авторским исследованием в рамках комплексного изучения проявлений этнического и религиозного терроризма на территории Европы. Предназначена для широкого круга читателей, интересующихся проблемами современного терроризма и политики.

Содержание

Предисловие	5
1. Философия и теория ирландского республиканского движения	16
2. Краткая история Ирландии до Пасхального восстания 1916 года	73
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Ирландская Республиканская Армия

Павел Спасовский

© Павел Спасовский, 2020

ISBN 978-5-0051-4651-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Эта книга является попыткой непредвзято и, по возможности, максимально объективно проанализировать и объяснить феномен существования и деятельности одной из самых известных в мире террористических организаций – Ирландской Республиканской Армии (ИРА) и ее современной формы «Временной» ИРА.

Для того чтобы понять суть явления, необходимо сперва изучить его истоки, глубинные причины и предпосылки возникновения. А понять причины существования и деятельности такой сложной и противоречивой организации как ИРА невозможно без знания истории ирландского народа, его взаимоотношений с английским государством и месте среди народов Британской империи на протяжении веков. Также, для объективности анализа и оценки деятельности Ирландской Республиканской Армии, потребуется внимательно рассмотреть философско-теоретические основы ирландского национально-освободительного движения в целом, включая социальные, культурные, религиозные, политические и экономические условия и обстоятельства в которых зарождалась организация в начале XX века. Заметьте, психологические особенности людей, ставших на путь радикализма и терроризма в частности, мы рассматривать здесь не будем, так как, известно, что при определенных крайних жизненных обстоя-

ательствах и условиях постановки вопроса «жизни и смерти», агрессия и даже террор (в определенной степени), может быть нормальной реакцией психологически здорового человека. Проблема состоит в том, что мы часто отказываемся понять условия и обстоятельства жизни других людей, набрасывая на них свое понимание «нормальности» и «ненормальности».

Данная исследовательская работа, в особенности, включает в себя анализ трех ключевых для понимания ИРА сфер или категорий знаний: классическая социальная теория, политическая теория национализма, и политическая философия «Романтизма» в ее противоположности к философии «Просвещения». Все указанные категории напрямую касаются тех социо-политических проблем, и вопросов, которые стояли перед людьми, создававшими Ирландскую Республиканскую Армию. На сегодняшний день уже написано много хороших книг об истории ИРА, поэтому нет необходимости повторяться и снова «изобретать велосипед». Чего, на самом деле не хватает, так это серьезной попытки проанализировать ИРА с теоретической, философско-политической перспективы.

Поэтому, основная цель моей работы это теоретически осмыслить и проанализировать суть ИРА как неотъемлемой части ирландского национально-освободительного движения с философско-политической позиции, отталкиваясь от тех социо-экономических, религиозных, политических

и других обстоятельств, которые привели к возникновению такой террористической организации в начале XX века. В широком смысле, речь идет о столкновении философских идей эпох Романтизма и Просвещения, традиционного общества и современного (модерного).

С такой точки зрения можно рассматривать ИРА как крайнюю форму проявления ирландского национализма, который противостоял модернизму и был типичным во многих странах Европы в конце XIX – начале XX веков (современные проявления исламского фундаментализма имеют схожие характеристики). Причины этого «бунта» (реакции) масс хорошо описаны в работе Роберта Нисбета «Социологическая традиция» (1996 г.), где рассматривается проблема разрушения и эрозии традиционных общественных ценностей, моральных и религиозных устоев, обычаев, семейных отношений и национальной культуры народов Европы под влиянием современности, научно-технического прогресса и глобализма. Признаки такой «реакции» традиции на быстрые изменения, происходящие в мире и обществе, начиная со второй половины XIX века мы можем наблюдать и в Ирландии. Особенно хорошо это противостояние заметно в отношении религии и фанатичной набожности, консервативности католического большинства ирландцев. Несмотря на все свои политические лозунги и декларации, «ирландские добровольцы» члены ИРА, взявшие в руки оружие, в первую очередь католики и защитники древней кельт-

ской (гаэльской) культуры, языка, обычаев и традиций своих предков. Поэтому, с позиции философии и мировоззренческих ориентиров, бойцы ИРА находятся не только в состоянии войны с Британским правительством, но и в серьезном идеологическом противостоянии с веяниями Просвещения и Модернизма в целом.

С другой стороны, унионистское движение, в особенности протестантский унионизм Ольстера, является представителем идей Модернизма, не только в религиозном аспекте, но и в смысле научных, индустриальных традиций общества в Северной Ирландии. Большая часть Ирландии в те времена являлась промышленно не развитой, отсталой, сельскохозяйственной территорией, по сути, аграрным придатком, колонией Великобритании. Только в северной части острова, Ольстере, единственном индустриально-развитом регионе Ирландии было заметно влияние прогресса и урбанизации на общество. Католическое меньшинство Ольстера было неразрывно связано с остальной Ирландией своими религиозными и старыми крестьянскими, патриархальными традициями, в отличие от протестантов, стремившихся к духовному единению с прогрессивной, современной, промышленно-развитой протестантской Великобританией. Здесь и проходит основная разделительная линия конфликта между унионистами и ирландскими националистами. Традиционные ирландские католики с одной стороны и современные, прогрессивные ирландские протестанты с другой сто-

роны.

Итак, идеологические, религиозные различия между ирландцами на севере острова и в остальной Ирландии, а также промышленные, экономические связи Ольстера с Лондоном, стали базовыми предпосылками будущего конфликта. Дальнейшее развитие политической доктрины ирландских националистов, стремившихся к созданию независимого ирландского государства, со временем привело к кровавому конфликту и противостоянию не только между ирландцами и британцами, но и между самими ирландцами.

Многие цивилизованные люди современности считают, что насилие и братоубийственная гражданская война из-за религиозных, идеологических и политических различий является полнейшим безумием и лишены смысла, варварскими действиями. На самом деле, большинство проведенных антропологических исследований доказывают, что насилие и вооруженные конфликты между людьми не являются таким уж безумием, если смотреть на них «глазами» участников самого конфликта, принимая за истину взгляды и идеологические постулаты, выдвигаемые в обоснование конфликта каждой из сторон. Нация, к которой вы принадлежите и культура, доминирующая в обществе, где вы живете, будет иметь реальную, жизненно важную для вас материальную ценность. Культура является важным экономическим ресурсом и такие известные антропологи, как Т. Х. Эриксен в своих работах обозначили, что этнические культуры на-

родов могут становиться основой для политического национализма, только тогда, когда определенные материальные ценности ассоциируются с конкретной культурой – другими словами, если эти ценности стоят того, чтобы за них сражаться. Этот подход применим и тогда, когда общество достаточно технологически развито, открыто и демократично.

Политический термин «демократия» в понимании формы и режима управления государством это одно, а социальные и культурные знания, а также навыки необходимые для представления и защиты политических интересов нации, это совсем другое. И здесь, уже не имеет значения насколько «демократично» конкретное общество и государство. Несомненно, даже самое «демократическое» в мире государство может быть репрессивным и достаточно жестким по отношению к тем гражданам, которые отказываются социализироваться в общепринятое в данном государстве культурное пространство, и, в результате, не имеют достаточно знаний и навыков необходимых для своего существования в рамках конкретного общества.

Хороший пример описанной нами выше логики мы находим в Ирландии, где католическое образование основано на схоластической философии. Такая ситуация ставит ирландских католиков воспитанных на основе религиозной философии в заведомо невыгодное положение в Ольстере и на территории Великобритании, где население воспитано на основе официальной науки и система образования отри-

дает церковную схоластику. Тоже можно сказать о гаэльском языке, который проигрывает английскому, имеющему статус мирового языка и важнейшего средства глобальной экономики и коммуникаций.

В качестве примера представим, что Ольстер стал частью объединенной Ирландии, тогда протестанты станут абсолютным меньшинством в обществе где доминирует католическо-гаэльская культура. Протестанты Ольстера будут вынуждены, для защиты и продвижения своих экономических интересов социализироваться в культурное пространство Ирландии посредством изучения и принятия культурных ценностей, доминирующих в ирландском государстве. Кроме того, будут нарушены установленные годами производственные и промышленные связи с Великобританией, что однозначно окажет серьезные негативные экономические и политические последствия на регион в целом и его население в частности. Протестантское меньшинство довольно продолжительное время будет чувствовать себя очень некомфортно и даже болезненно. В таких обстоятельствах, определенная часть недовольных протестантов, вполне может взять в руки оружие и требовать независимости или воссоединения с «единоверцами» и «братьями» в Объединенном Королевстве. Примерно тоже, только с другой стороны мы наблюдаем сегодня, когда католическо-гаэльское меньшинство Северной Ирландии, находясь в обществе, где доминирует протестантская, английская культура, болезненно реагирует

на сложившуюся ситуацию с помощью насилия.

Действительно, ирландские католики могут чувствовать себя ущемленными культурно и ощущать определенную дискриминацию на территории Великобритании, даже если политически и юридически, они являются полноправными гражданами государства. Восприятие этого факта является важным элементом для понимания истоков противостояния католиков и протестантов в Ирландии, приведших к появлению ИРА и 100-летнему насилию на Британских островах.

Современные идеи мультикультурализма имеют тенденцию серьезно недооценивать значение культуры в обществе, в особенности, когда культура тесно связана с религией и традициями определенного народа (нации) в этническом понимании слова. Некоторые культуры, особенно если они «стоят того, чтобы за них сражаться», могут быть настолько несовместимы с доминирующей в государстве культурой, что просто не способны мирно сосуществовать друг с другом в связи с их моральными и культурными императивами. Идеологическое противостояние различных культур в такой ситуации неизбежно приводит к жесткому конфликту носителей этих культур в случае, если сложились другие дополнительные (социальные, экономические, политические и т.д.) обстоятельства, обостряющие базовые культурные разногласия народов.

Некоторые культуры и политические философские системы могут даже романтизировать и превозносить значение

насилия и жертвенности во имя великой идеи, особенно если речь идет о религиозных верованиях, являющихся неотъемлемой частью культуры народа. Например, понятия мусульманская культура и ислам, являются по сути одним и тем же явлением из-за того, что религия является главной составляющей частью указанной культуры, а джихад (священная война) и жертвенность во имя Бога превозносятся исламом как высшая ценность. По правде говоря (мнение автора), большинство мировых религий в основе своей имеют насилие и жертвенность как наивысшую ценность. Жертвоприношения и церемониальное насилие присутствует во многих религиозных обрядах, например в христианстве евхаристия, символизм распятия, иконография святых и мучеников, тема жертвы и смерти проходит везде красной линией.

Люди, получившие религиозное образование и воспитанные в традиционном обществе часто являются носителями идеалов жертвенности и моральной оправданности насилия ради великой цели и исполнения законов и «воли Божьей». При условии, что религиозный человек становится к тому же и убежденным последователем политической идеологии национализма, в определенных обстоятельствах, это может привести к тому, что вполне нормальный и разумный человек в обыденной жизни вдруг, может превратиться в радикального вооруженного фанатика, экстремиста и террориста в одном лице. Почему так происходит? Сложный вопрос, в каждом отдельном случае особенности трансформа-

ции личности могут быть индивидуальными, здесь вопрос к психологам. Ясно одно, фанатичная вера и национализм – очень опасное сочетание.

С этой точки зрения, насилие Ирландской Республиканской Армии не является чем-то уникальным или оригинальным, подобные явления в той или иной степени часто встречаются по всему миру. Также, деятельность ИРА можно охарактеризовать понятием, хорошо известным в наше время, но не отражающим всю глубину данного явления – терроризм.

Терроризм обычно расцветает и проявляется со всей своей ужасающей силой в относительно открытых и демократичных обществах, которые не только позволяют ему появиться, но и создают отличные условия для развития этого явления, благодаря закону и юридическим процедурам, которые защищают исполнителей терактов и членов террористических организаций от справедливого наказания за совершенные злодеяния.

Северная Ирландия всегда была одним из самых проблемных регионов Великобритании, однако, несмотря на это, правительство долгое время держало ситуацию под контролем, используя при этом довольно либеральные и демократичные методы воздействия. Так продолжалось непосредственно до Пасхального восстания, появления ИРА и первых кровавых столкновений с ирландскими католиками в 1916—1919 годах.

Ирландские националисты, создавшие ИРА, называют себя «ирландскими добровольцами» (*Óglaigh na hÉireann* – гаэл.) и считают себя борцами за объединение Ирландии в единое государство. С юридической точки зрения во всем мире боевиков ИРА называют однозначно – террористы, и никак иначе. Считаю такое определение правильным, не только с юридической точки зрения, но и моральной. В дальнейшем, в книге мы будем использовать такие термины как «националисты» и «республиканцы», для обозначения представителей ирландского националистического движения, а также термины «лоялисты» и «юнионисты» для представителей протестантского сообщества и организаций Северной Ирландии, желающих оставаться в составе Соединенного Королевства.

1. Философия и теория ирландского республиканского движения

Партия «Шинн Фейн» (Sinn Fein), как представитель и «лобби» ИРА в политике, является очень важной для понимания идеологии и политических целей «добровольцев» из ИРА. На сайте этой политической партии в интернете мы можем найти много интересной информации, проливающей свет на базовые теоретические основы националистического движения в Ирландии, а также политические взгляды партии на историю конфликта в Ольстере и деятельность ИРА. В частности, Шинн Фейн утверждает, что на протяжении 800 лет Ирландия была колонией Британии, и все это время ирландцы безуспешно боролись за свою независимость от англичан. В 1916—1923 годах произошла «частично» успешная война за независимость от британского правления на острове, но в 1920 году Великобритания разделила Ирландию, отделив 26 южных графств в новое Ирландское свободное государство, а Северная Ирландия в составе 6 графств вошла в состав Великобритании, став юнионистским бастионом протестантского большинства Ольстера.

Шинн Фейн последовательно отстаивает идеи традиционного ирландского сепаратизма и полного отделения Ирлан-

дии от Великобритании, используя религиозные отличия как один из главных аргументов для обоснования своей позиции. Партия является главным политическим представителем сепаратистки настроенных ирландцев Ольстера, желающих, чтобы весь остров Ирландия был объединен в едином государстве. Кроме того, республиканцы из Шинн Фейн считают, что все ирландцы, независимо от их религиозных и политических убеждений, являются одной нацией, которая имеет право на самоопределение и на свое собственное независимое государство. Поэтому, можно утверждать, что идеологической основой всех республиканцев (Шинн Фейн, ИРА и других организаций) является ирландский этнический национализм. Ирландская Республиканская Армия, использующая в своей риторике и политических требованиях идеологию и философию национализма, обосновывая этим насилие, по сути, является националистической террористической группировкой. Это очень важный момент, так как в некоторых источниках и книгах об ИРА утверждается, что ИРА является «левой» социалистической организацией, что является ошибкой. В какой-то мере «левой» можно называть, разве что, идеологию республиканцев по отношению к монархической традиции Великобритании, так как монархическая форма правления естественно находится значительно «правее» республиканской согласно общей политической теории. Мы же в данной работе будем ассоциировать ирландских республиканцев и бойцов ИРА исключительно

с идеологией национализма.

Республиканцы не воспринимают нынешний статус Северной Ирландии (шести графств Ольстера) отделенной от остальной Ирландии и считают, что Великобритания незаконно владеет этой территорией. Такое разделение Ирландии республиканцы считают искусственным и нелегитимным. Проявления республиканского терроризма, соответственно, своей главной целью имеют воссоединение Северной Ирландии с Республикой Ирландия, используя насилие и террор как средство в борьбе за объединение страны. В республиканской терминологии бойцы ИРА с помощью насилия стремятся «убрать Британцев» или по другому «Корону» из Ирландии.

Унитарность ирландского государства, однако, ставится под сомнение большинством населения Северной Ирландии, которое считает себя британцами и желает оставаться в союзе и единении с Объединенным Королевством. В итоге, республиканцы идеологически противостоят не только самим британцам, но и большинству северных ирландцев (юнионистам Ольстера). Республиканцы утверждают, что юнионистов нельзя считать легитимным большинством региона, так как этнически современные жители Ольстера являются не ирландцами по происхождению, а потомками британских колонистов и ирландских коллаборантов-предателей, которых, на самом деле, лишь 30% от численности населения всей Ирландии. В таком «республиканском» понима-

нии протестанты-юнионисты Северной Ирландии не большинство, а меньшинство. Юнионисты, в восприятии ирландских республиканцев – это политически нелегитимная группа, искусственное творение Британского империализма, которые не имеют права исключать или выделять себя из ирландской нации.

Немного из истории Северной Ирландии

Северная Ирландия как государственное административно-территориальное образование, формально и юридически, возникла лишь в 1921 году, в соответствии с законодательным Актом о правительстве Ирландии от 1920 года (известный как: Четвертый акт о Гомруле), который разделил Ирландию на две части (Северную и Южную), а также в результате Англо-ирландского договора от 6 декабря 1921 года, завершившем Ирландскую войну за независимость 1919—1921 годов. До этого времени вся Ирландия была частью Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии.

До своего разделения Ирландия была интегральной частью единого мультинационального государства Великобритании, в котором, кроме ирландцев были представлены и имели равные гражданские права: англичане, шотландцы, валлийцы и другие «небританские» нации.

Перед Первой мировой войной было предпринято три попытки ввести так называемый «Гомруль» (от англ. *Home Rule*) – расширенное самоуправление для Ирландии при сохранении над островом британского суверенитета. Во время

этого процесса Ольстерские юнионисты активно сопротивлялись движению за автономию Ирландии, опасаясь за свои экономические интересы и религиозные свободы. Протестантские юнионисты, являвшиеся большинством в индустриализированной Северной Ирландии, составляли серьезную оппозицию ирландским республиканцам внутри страны, а также были ярыми защитниками сохранения британского господства на острове.

Юнионисты определяли себя как особая отдельная общность людей с уникальной экономической и религиозной идентичностью и со своими собственными интересами, отличными от остальной Ирландии, где около 90% населения были католиками с доминирующей аграрной фермерской экономикой. Юнионисты успешно противостояли расширению автономии Ирландии вплоть до билля о гомруле 1912 г., который после серьезных беспорядков в Белфасте стал законодательным актом парламента Великобритании в 1914 году. Эта законодательная инициатива республиканцев привела к формированию юнионистами вооруженных парамилитарных формирований в количестве около 100 тысяч человек и созданию Ольстерских добровольческих сил (англ. *Ulster Volunteer Force, UVF*). Первым руководителем Ольстерских сил самообороны был бывший генерал британской армии, а среди офицерского состава преобладали бывшие профессиональные военные. Создание Ольстерских добровольческих сил (далее ОДС) демонстрирует

насколько неистово и агрессивно юнионисты выражали свое нежелание становиться даже частью автономной Ирландии, не говоря уже о независимой. Также, существование организованного движения юнионистов и ОДС в Северной Ирландии не могло игнорироваться правительством Великобритании, что, несомненно, оказывало существенное влияние на вопрос Гомруля.

Развитие конфликта в Северной Ирландии было приостановлено из-за начавшейся в Европе Первой мировой войны в августе 1914 года. Члены ОДС массово вступили в британскую армию, сформировав 36-ю дивизию. Ирландские националисты в ответ на формирование ОДС тоже вооружились и создали свои отряды Ирландских добровольцев (англ. *Irish Volunteers*, гаэл. *Óglaigh na hÉireann*), многие из которых после начала войны также вступили в британскую армию. Позже вооруженные националисты и добровольцы стали основой ИРА.

В этот период времени было ясно, что гражданская война в Ирландии вполне может стать реальностью, хотя ирландские националисты и отрицали такую возможность, говоря, что угроза гражданского конфликта в Северной Ирландии была искусственно инспирирована британскими спецслужбами. После окончания Первой мировой войны, которая стала наиболее кровавой и тяжелой войной в Европе за всю историю, добровольцы ИРА инициировали новую волну насилия и террора по всей Ирландии, увеличивая глубокую ми-

ровоззренческую пропасть между населением севера и юга страны.

Тем временем, британское правительство стало осознавать, что дальнейшее удержание контроля над всей Ирландией становится очень проблематичным, затратным и трудно достижимым. В итоге, в 1919—1921 гг. на территории Ирландии разгорелся вооруженный конфликт между британской армией и полицией с одной стороны и ирландскими республиканцами с другой. Результатами конфликта, известного истории как Ирландская война за независимость, стал законодательный Акт 1920 года, который юридически разделил остров на две части и создал автономные органы власти с собственными парламентами в Белфасте (Северная Ирландия) и Дублине (Южная Ирландия, позже Свободное государство и впоследствии Республика Ирландия). Политическим решением о разделении острова на две части, британцы надеялись посеять конфликт между ирландцами и таким образом сохранить свое влияние на всю Ирландию, оставаясь своеобразным арбитром. Юг стремился стать полностью независимым государством, в то время как Север желал оставаться автономной провинцией Великобритании.

Население юга Ирландии практически на 90% было католиками (почти 97% по состоянию на 1951 г.) и очень однородным культурно, социально и экономически. Совершенно отличной ситуация сложилась на севере, где около 64% жителей были протестантами и лишь порядка 36% католи-

ками, которые в своем большинстве являлись ирландскими националистами. Такая религиозная диспропорция в регионе, а также, исторические отношения между католиками и протестантами создали атмосферу напряженности и враждебности между людьми, ходившими в разные церкви. Большинство ирландских католиков считали протестантов Ольстера предателями и относились к ним враждебно, с открытой ненавистью, из-за того, что те желали отдать часть Ирландии в руки врага и не желали поддерживать республиканцев. Наиболее радикальные националисты бойкотировали органы власти Северной Ирландии и считали полномочия Белфаста нелегитимными. Религиозная и политическая вражда между ирландцами, а также жесткие действия британских сил правопорядка, привели к массовым беспорядкам в Северной Ирландии.

Экономическая депрессия и массовая безработица в 1920—1930 гг. способствовали превращению Северной Ирландии в регион, где господствует насилие и религиозный фанатизм. Националисты продолжали усиливать свою анти-унионистскую риторику, а боевики ИРА продолжали атаковать протестантов, их бизнес, собственность и фермы в южной части острова. Кроме того, подразделения ИРА, базировавшиеся на Юге, совершали регулярные рейды в Северную Ирландию и создавали атмосферу страха и незащищенности среди унионистов. Протестанты чувствовали себя в осаде и жертвами агрессии со стороны ирландских католиков.

Даже после войн 1919—1923 гг. в Ирландии (война за независимость и гражданская война в Свободном государстве), республиканцы и ИРА продолжали оставаться враждебными и агрессивными в отношении Северной Ирландии. С того времени ИРА было проведено множество вооруженных нападений и терактов на территории Северной Ирландии. Католики Ольстера также чувствовали себя не в безопасности и старались защитить свои интересы, поддерживая политиков из Шинн Фейн и объединяясь в различные организации и католические сообщества. Соответственно радикалы из числа католиков Северной Ирландии присоединялись к ИРА, считая, что таким образом защищают себя от насилия со стороны британцев и унионистов. Ирландские республиканцы и католики Севера в своем большинстве отрицали легитимность Северной Ирландии, и желали воссоединения с Югом в едином государстве.

Со времени создания Северной Ирландии практически ничего не изменилось в базовых социальных и политических условиях, лежащих в основе данного конфликта. Католики Северной Ирландии, являющиеся меньшинством региона, до сих пор считают себя ущемленными и не способными защитить свои интересы в рамках политической системы Великобритании. Ирландские националисты чувствуют себя гражданами «второго сорта», так как не могут идентифицировать себя с государством, его символами, религиозными и культурными ценностями. Определенная дискрими-

нация в трудоустройстве католиков Северной Ирландии действительно существует, что регулярно используется республиканскими политиками во время выборов.

На сегодняшний день сегрегация общества по религиозному признаку является нормой в Северной Ирландии. Протестанты и католики живут в разных районах, имеют собственные школы, газеты, клубы и организации, спортивные сообщества, сеть формальных и неформальных контактов для бизнеса и социальной жизни. Даже представители таких профессий, как юристы или врачи, часто имеют клиентов только из одного сообщества (католического или протестантского). Церковь является своего рода платформой и связывающим звеном для различной деятельности каждого из сообществ. Каждый житель знает религиозную принадлежность другого, что подразумевает соответственно национальную и политическую их принадлежность, независимо от того, правда это или нет. Обобщение по религиозному признаку и предвзятое отношение повсеместно в Северной Ирландии. Представители разных культурно-религиозных сообществ Ольстера стараются, как только это возможно, максимально ограничить свои контакты между собой. Присутствует осознанное признание «другого» пространства, проникать в которое нельзя. Когда каждая из сторон остается на своей «стороне» мир сохраняется. Юнионисты контролируют органы власти и общественное пространство протестантского сообщества Северной Ирландии, а нацио-

налисты остаются в своем «пространстве» и культурно-религиозном сообществе.

Вопрос «разграничения» – отличия Севера от Юга, стал, таким образом, главным политическим вопросом в Северной Ирландии. Доминирование этой проблемы над другими вопросами в политике Северной Ирландии является причиной того, что унионисты всегда получают большинство в Стормонте (парламент Северной Ирландии). Хотя ирландские националисты и хотят представить Стормонт как однопартийный парламент, на самом деле другие партии существуют и свободно занимаются своей деятельностью в Северной Ирландии. Партия националистов Шинн Фейн открыто участвует в выборах и даже занимает места в парламенте и других органах власти. Также, в Северной Ирландии действует свобода слова и существует свободная независимая пресса и другие СМИ. Более того, в 1950-х и 1960-х гг., лейбористская партия Северной Ирландии (Northern Ireland Labour Party) составляла серьезную конкуренцию, как для унионистов, так и националистов.

Структура общества в Северной Ирландии, все равно, ожидаемо предоставляет определенные преференции унионистам в ущерб националистам католикам, что продолжает подпитывать этно-религиозную базу конфликта. Немногочисленная часть католиков в Северной Ирландии, все же воспринимает сложившуюся ситуацию вполне спокойно, продолжая работать и жить относительно успешно в рам-

ках сложившейся системы. В дальнейшем, реальные материальные и экономические отличия между католиками и протестантами стали незначительными, особенно после Второй мировой войны и вступления в силу государственных реформ (таких, как: свободное образование, медицинское обслуживание, программа поддержки безработных, а также равные имущественные и политические права для всех). В результате многие католики в Северной Ирландии стали относиться к государству неоднозначно, и стали сомневаться в правоте националистов.

Республиканцы не могли и не хотели понимать, что условия жизни и само общество в Северной Ирландии изменились. Националисты продолжали жить в своем идеализированном гаэльско-католическом культурном сообществе, выделяя себя, используя старую националистическую риторику. Для республиканцев, само существование Северной Ирландии отделенной от остальной Ирландии, в составе государства исторических врагов, является преступлением и само по себе дискриминирующим по отношению к ним фактом, вне зависимости от реальных условий и качества жизни самих католиков на этой территории. Поэтому, и сегодня, этнический ирландский национализм, замешанный на религиозных отличиях и «старых» обидах, является основной причиной беспорядков и проявлений терроризма в Северной Ирландии.

Идеология национализма подпитывает ИРА, определяет

цели и задачи, а также придает некую «легитимность» действиям «ирландских добровольцев». По мнению националистов, именно политическая и социальная несправедливость в Северной Ирландии, является истинной причиной насилия и «терроризма». На самом деле, терроризм не является чисто психологической проблемой. Несмотря на популярное мнение, террористы в своем большинстве вполне физически и психически нормальные люди. Терроризм это продукт и результат социальных процессов, конфликтов и напряжений при взаимодействии различных социальных групп, реакция на «несправедливость» государства и одна из форм политики, в ее наиболее радикальном проявлении. Террористы часто используют в обосновании своих действий социальные лозунги и цели, оправдывая себя стремлением достичь некоего общественного блага. В связи с этим, социальный и политический идеал ИРА, это единое и независимое монациональное государство (Свободная Ирландия) с определенными культурными (гаэльскими) и религиозными (католическими) атрибутами. Для достижения этой цели, «добровольцы» ИРА взяли в руки оружие и стали на путь политического насилия, экстремизма и терроризма. Ради веры в идеальную Ирландию в понимании националистов и льется кровь на территории британских островов уже более 100 лет.

Нации и национализм

Национализм является наиболее успешной политической идеологией на протяжении последних 250 лет и на сегодняш-

ний день настолько популярен, что считается «нормальной», в определенной степени универсальной, формой социо-политического устройства и типовой политической идеологией построения общества. Данная идеология предполагает, что мир состоит из различных наций (народов/этносов), каждая из которых имеет свою особую культуру, территорию проживания и собственные интересы. Каждый этнос (нация) соответственно имеет право на самоопределение и свое собственное государство. Слово «нация», в этом смысле, равняется «народу» – специфической группе людей со своей единой этнической, расовой идентичностью (людей объединенных одной культурой, языком, историей, религией, территорией проживания, собственной знаковой и символической системой, общей мифологией, традициями и способом жизни).

При этом, понятие «государство» отождествляется со структурами власти и формой организации общества, а цели и интересы государства, в идеале, должны совпадать с целями и интересами определенного народа. Концепция самоопределения народа (нации) в своей основе несет идею того, что каждая нация имеет природное право вести собственные дела на своей территории без внешнего вмешательства. Именно эта базовая идея и лежит в основе политической власти и легитимности государства, по мнению националистов.

Идеология национализма предусматривает определенное тождество между государством и нацией, что ставит нацию

и ее интересы превыше всего. Поэтому, национализм требует особого специфического понимания нации, ее интересов и отличия от других народов. Данная концепция исключает из политики и автоматически лишает права на управление государством тех, кто не является представителем «коренной» нации и не разделяет ее целей и интересов. Другими словами, в «классическом» или «интегральном» национализме только представители основной (коренной) нации и народного большинства на определенной территории, имеют право на принятие политических, управленческих решений в конкретном государстве. Современный национализм существенно отличается от «классического» (18—20 вв.) и чаще использует термин «политическая» нация в отличие от первоначального, исключительно этнического понимания нации.

В мировой политике вплоть до 18 века наций как таковых не существовало. Основой политического строя и легитимности государственной власти в странах Европы была религия и феодальная традиция. Прежние государства в основном имели монархическую форму правления, а во главе наций стояли династии и аристократические роды. Во многих случаях монарх мог быть представителем другого этноса и носителем культуры отличной от культуры большинства населения, а некоторые правители «старой» Европы даже не владели языком коренного народа. Легитимность власти монарха исходила из религиозных верований и тради-

ций, согласно которым, монарх наделялся властью непосредственно от Бога и являлся представителем божественной власти на земле. Власть церкви в средневековой Европе была поистине огромной, так как Папа и епископы католической церкви непосредственно «помазывали» на царство и наделяли легитимной властью определенные династии. Церковь в средневековье была основным фактором политики. Во времена Реформации, которая длилась почти 200 лет, религиозные войны и насилие в Европе достигли своего пика во время Тридцатилетней войны (1618—1648 гг.) и привели ко многим жертвам среди населения европейских стран. Например, население Германии в указанный период сократилось практически вдвое. Если мы к этому добавим еще деятельность инквизиции и преследование инакомыслящих (еретиков), а также годы крестовых походов, станет понятно, почему насилие и религия так прочно связаны друг с другом в нашем сознании.

Идея того, что отдельные этно-религиозные и лингвистические сообщества (на латинском – нации) могут рассматриваться, как базис для политической организации общества, была неизвестной в указанный период времени. В те времена большинство населения состояло из необразованных крестьян, живущих в локальных небольших поселениях, интересы которых, были очень ограничены. Национализм же предусматривает в первую очередь осознание принадлежности к определенной культурной группе и собственную иден-

тичность, отличную от других групп. Даже сегодня, во многих частях мира идея нации является неактуальной и воспринимается неправильно. Во многих современных постколониальных государствах Африки и Азии, где государственность очень нестабильна, концепция нации мало что значит для большинства населения, которое продолжает делиться на различные религиозные и племенные группы, не воспринимая себя частью единой нации. Например, в Афганистане и Пакистане первичное значение имеет принадлежность к определенному племени и деревни, а не государству.

Другой важный элемент идеологии национализма, это четкое разделение мира на отдельные автономные этнические группы, которые проживают на исторически определенных территориях. Данная позиция поднимает многие сложные вопросы. Во-первых, границы между государствами, по сути, являются продуктом национализма. Во-вторых, в прошлом не существовало четко определенных границ между государствами, так как границы часто менялись в результате войн, завоеваний, династических браков, порядка наследования и дипломатии. В-третьих, даже когда территории были определены, люди часто мигрировали в силу разных обстоятельств, иногда целые этнические группы расселялись или выселялись по воле правителей. В результате на протяжении истории многие государства и территории содержали различные этно-религиозные, культурные и лингвистические сообщества, которые сосуществовали вместе

на одной территории. Пример Югославии в этом смысле является хрестоматийным, где не существовало четких территориальных границ между различными нациями, что и привело к кровавой трагической развязке в 90-е годы прошлого столетия.

Популяризация идей национализма и попытки отделить нации в самостоятельные государства по национальному признаку наблюдались в Европе повсеместно, начиная со времен Великой французской революции, достигнув своего пика в кровавом 20 веке. Ирландские националисты, пожелавшие отделиться от Великобритании и создать собственное государство, не были в этом смысле оригинальными. Вооруженный конфликт в Ирландии, можно сказать, был объективно обусловлен общеевропейскими процессами и политическими тенденциями Нового времени.

Первыми современными нациями, создавшими собственные государства-нации, можно смело назвать французов и американцев (Франция и США соответственно). Два указанных народа стали настоящими нациями и сформировались в народные (национальные) государства в результате революционных и освободительных войн, направленных в первую очередь против феодального, монархического правления и засилья церкви. «Помазанник божий» был заменен на «народ», который отныне самостоятельно вершит свою судьбу и становится единственным легитимным источником государственной власти. Во Франции этот про-

цесс был очень болезненным и проблемным, так как всего менее половины населения страны говорило на французском языке, и считали себя «французами». Франция во второй половине 18 века состояла из различных этнолингвистических групп германского, фламандского, бретонского, баскского, итальянского и окситанского происхождения. Вдобавок, даже франкоязычные люди использовали в повседневном общении местные региональные диалекты, часто непонятные для жителей других регионов Франции. Революционеры решили языковую проблему, заявляя, что все бывшие подданные французского короля теперь становились гражданами свободной Франции и равными перед законом, а общий «гражданский» язык общения назывался французский. Все граждане, проживавшие на территории новой пост-революционной Франции должны были изучать и использовать французский для общения, мотивируя свое требование тем, что на французском языке говорило большинство населения. Строго говоря, французский язык в то время не имел единой грамматической формы и правил в современном понимании. Именно со времен Великой французской революции началась унификация и стандартизация французского языка, который стал похож на тот современный вариант, на каком говорит сегодняшняя Франция.

Именно французский опыт дает нам классическую стандартную модель национализма, имевшего интегральный, объединяющий характер, отбрасывавший «незначительные»

региональные отличия ради идеала нации. Процесс формирования единой нации преподносился как процесс освобождения народа от гнета родовой аристократии, религиозных догм и ограниченной, необразованной крестьянской жизни. Гражданам давались новые возможности реализовать себя, учиться и действовать, опираясь на идеалы свободы и равенства в обществе, которое говорит на одном языке, имеет общую территорию проживания и права гарантированные законами государства «народной власти». Революция во Франции была логическим продолжением идей и ценностей эпохи Просвещения. Французы стали пионерами и «законодателями моды» в политике, науке, экономике и юриспруденции современной Европы. Метрическая система мер и весов, кодифицированная правовая система и республиканская форма правления, с помощью завоеваний Наполеона и культурного влияния французских философов и ученых, распространилась по всей Европе. Именно во времена Наполеоновских войн впервые появилась глобальная международная торговля и правила, когда между собой торговлю ведут государства-нации, а не отдельные купцы, аристократы и города. Все это помогло французам получить «национальное самосознание» и способствовало единению представителей различных регионов и этносов Франции.

Соединенные Штаты Америки пошли по схожей траектории. Население, на тот момент британских колоний, состоявшее из представителей самых разных народностей, куль-

турных и лингвистических групп, эмигранты с разных стран мира отбросили свое прошлое, приняли общие правила игры, конституцию и стали называть себя американцами.

Британия тоже шла по пути формирования государства-нации, но с определенными отличиями. В Соединенном Королевстве на первый план вышли экономические факторы, имперские амбиции и агрессивная внешняя политика. Быстрые темпы экономического развития, колониальные владения и активное участие в мировой торговле, способствовали стандартизации английской культуры и английского, как языка международной торговли и общения. Огромная армия и флот Великобритании также внесли свой вклад в формирование единой британской нации, так как необходимость защищать свои колонии по всему миру заставляла правительство набирать в вооруженные силы империи представителей самых разных народностей и культурных групп, которые в процессе службы становились «британцами». Валлийский в Уэльсе и гаэльский язык в Шотландии и Ирландии отошли на второй план, став исключительно местными языками, уступив место английскому, как языку международной торговли и влияния. Тем временем, либеральные националистические движения, возникшие в 19 в. боролись за объединение в одну нацию регионов Италии и Германии (к примеру, католическая Бавария и лютеранская Пруссия были отдельными германскими королевствами).

До Наполеоновских войн, Германия называлась Священ-

ной Римской Империей и состояла из более чем 300 независимых княжеств, которые медленно и без энтузиазма, в результате войн и в порядке династического наследования объединялись в одно государство. Окончательное объединение Германии в одно государство-нацию завершилось лишь в 1871 г.

Одной из первых политических кампаний в объединенной Германии стала «борьба за культуру» (Kultur Kampf) канцлера Бисмарка, направленная, главным образом, против старой самоидентификации и культурного разделения между этническими группами немцев, с целью устранить различия между баварцами, пруссами, гессинцами и т. д. Главной задачей объединенной Италии в 1860-х гг. было формирование единой итальянской нации из 12 отдельных королевств и княжеств, где на итальянском языке разговаривало всего около 3-х процентов населения.

Многие народы мира имели свою определенную расовую и этническую идентичность, но как нации, в современном понимании слова, их не существовало. До 18 века «нациями» назывались искусственные конструкции, в которых, например, многие валлийцы, шотландцы и ирландцы по этническому происхождению, с легкостью становились англоговорящими британцами ради получения политических или экономических выгод. В средневековой Европе в политике действовала формула, что вся власть от Бога, а монарх как его помазанник, является проводником божьей воли

на земле и не имеет особого значения какие-либо этнические, культурные и лингвистические особенности народа, которым правит коронованный представитель феодальной знати. Более того, до последнего времени, правящие элиты демонстрировали свою принадлежность к особой, отличной от большинства народа культуре, стараясь этим подчеркнуть свой исключительный статус правителя. Русские, немецкие и даже английские аристократы часто говорили и использовали в своих государственных делах французский язык, а католическая церковь пользовалась латинским, как сакральным языком, недоступный простолюдинам.

Великобритания в этом плане отличалась от общеевропейских тенденций. Формирование британской нации началось немного раньше чем в других европейских странах. Стремительное расширение британской империи, появление рыночных отношений, индустриализация производства, расширение прав парламента, либеральные идеи и развитие передовой научной мысли, сделали Великобританию локомотивом преобразований и просвещения, а английский язык престижным и модным среди аристократии. В 18—19 веках Великобритания стала первой в мире сверхдержавой, а потому английский соответственно стал глобальным языком. Но в Ирландии, за исключением Ольстера, процесс «британизации» происходил медленно, главным образом из-за религиозных различий. Начиная со времен короля Генриха VIII Тюдора, который отделил английскую церковь от като-

лической, на британских островах началась непримиримая вражда между католиками и англиканцами, а Ирландия традиционно была бастионом католицизма.

В конце 18 века в философской мысли Запада возникла реакция, направленная против идей Просвещения. В Германии эта реакция была особо заметной, где стала доминирующей в обществе и известной нам как Романтизм. Просвещение преклоняется перед наукой, промышленностью, экономическим развитием, либерализмом, толерантностью и свободой личности. Романтизм же, напротив, превозносит традицию, религию, мистицизм, культурные патриархальные ценности, жертвенность, воинственность, превосходство общественных интересов над частными, незыблемость «старого» природного порядка установленного Богом. Романтики сопротивлялись унификации наций-государств, рассматривая существование различных этнических групп и народностей, как часть естественного (божественного) порядка, который следует сохранять. Наиболее влиятельными представителями этой философской мысли были Гегель и Гердер. В связи с этим, идея разделения огромных мультинациональных государств-империй на отдельные, небольшие государства-нации становится легитимной и даже моральной, так как, по сути является естественной и справедливой природой общества. Идеология Романтизма также оправдывает определенную дискриминацию национальных меньшинств, как способа защиты коренной нации, ее идентичности, куль-

туры, чистоты и единства, а также использование силы в качестве «последнего аргумента».

Аутентичность и чистота были особенно важны для последователей Романтизма, которые ставили чувства и эмоции выше разума и логики. Эмоции были чистыми и непосредственно исходили от сердца и естественной природы человека. С другой стороны, разум и логика, наука и промышленность, основывались на расчете и материальной, практической выгоде, которая, считалась противниками идеологии Романтизма важнее духовных и моральных сантиментов. Согласно этой точки зрения, эмоции, совесть и чувства человека, являются теми дарами Бога, которые позволяют людям распознавать истину от лжи, добро от зла, выполнять свой долг и жить согласно естественным божественным правилам. В понимании «романтиков» политика является наиболее порочным явлением в обществе, так как руководствуется, прежде всего, жадной властью, расчетом, цинизмом и материальной выгодой. А проявления прямого насилия направленного против несправедливой, в восприятии романтиков, политики государства, получают, таким образом, некий позитивный оттенок.

В самом деле, вся идеология Романтизма восхваляет насилие и считает его позитивной, эмоциональной движущей силой общества, выражающей истинный дух и сознание народа. В частности, Романтизм считает искусство, а не науку, настоящим выразителем духовности и природы челове-

ка, указывая на способность произведений искусства воодушевлять на подвиги и действия целые народы, что является трансцендентным по отношению к материализму.

Романтический национализм воодушевляет людей на развал империй и больших многонациональных государств, в поддержку образования отдельных мононациональных государств, которые имеют естественное право на самоопределение, основываясь на культурных и лингвистических особенностях, а также экономических интересах конкретного народа. Но реализация подобных националистических идей на практике наталкивалось на жесткое противодействие со стороны противников данных идей, и было во многом проблематичным. Во-первых, такая трансформация общества подразумевала борьбу (часто насильственную) против установленного порядка и существующих государственных институтов. Во-вторых, в реальности, отдельно взятые нации и этнические группы редко проживали на одной территории с четкими границами. В-третьих, отдельные небольшие этнические группы можно было легко объединить с культурно близкими большими нациями, что приводило к конфликтам. Некоторые народности вообще не считали себя отдельными нациями, что тоже ставало инструментом большой геополитики. В-четвертых, многие этнические группы были настолько сильно перемешаны с представителями других народностей, которые также имеют права на свое отдельное государство, что национализм становился

опасным источником насилия и нестабильности в обществе. По сути, можно утверждать, что целая теория национализма становилась причиной и своеобразным «рецептом» разжигания конфликтов. А насилие становилось простым способом реализации идеологии на практике. Жертвенность и жестокость в борьбе за «свободу» и «национальное освобождение» становились священными и героическими в сознании националистов.

Согласно теории Романтизма в националистической интерпретации, насилие во имя освобождения нации не должно быть ограниченным официальными правилами войны или гуманистическими ценностями, так как эти конструкции считались искусственными, продуктами человеческого расчета и выгоды, не имевшими ничего общего с естественным природным порядком. Националистическая борьба считалась священной (реализацией божьего плана), и поэтому не должна сдерживаться земными правилами и законами. Первые проявления современного терроризма не случайно совпали с распространением философии Романтизма и идеологии национализма в конце 19 века. Романтизм хорошо воспринимался теми слоями населения, которые «не поспевали» за современными изменениями, научно-техническим процессом и индустриализацией. Те места, где основой экономики оставалось сельское хозяйство, а основой общественной жизни была церковь, становились оплотом романтических идей. Крестьяне, молодежь, различные маргиналы,

обездоленные люди и некоторые представители интеллигенции были в авангарде новой философии. Ирландия в этом отношении была как раз таким местом, где Романтизм и националистические идеи попали на благодатную почву.

Национализм был идеологией, которая придавала особое значение народной культуре и традициям, а также естественному праву народа на самоуправление на своей земле (родине) с целью реализации своих интересов. Согласно данной теории, главной задачей государства является защита нации и ее уникальной самобытной культуры, а также создание условий для ее развития. Таким образом, насилие, направленное на защиту нации и ее национальных интересов, считалось допустимым и даже благородным.

Философия Романтизма определенным образом идеализирует насилие ради достижения великой цели, в особенности, если это касается национальных интересов. Романтизм считает этнические сообщества людей более значимыми, чем отдельные личности, которые являются частью единого национального организма. В этой традиции насилие совершенное отдельным человеком в интересах и по приказу группы или национального сообщества, не может считаться отдельным явлением и ответственностью одного человека. Из этого следует, что ценность индивидуальной жизни вторична по отношению к жизни сообщества, а правила и законы государства вторичны по отношению к воле народа и интересам нации.

Именно такой, «народный», этноцентрический или по-другому интегральный национализм стоял у истоков ирландского республиканского движения, а позднее в Германии стал причиной появления национал-социализма.

Нация и религия

Национализм можно считать современным «изобретением», но это понятие включает в себя многие базовые человеческие потребности, которые в других политических идеологиях не берутся во внимание. Люди, прежде всего, социальные создания, которым жизненно необходимо быть частью какой-либо группы или сообщества для обеспечения своих базовых потребностей в общении и безопасности, реализации своих экономических, социальных, политических и культурных интересов. Мы не рождаемся носителями определенной культуры, но становимся таковыми в процессе социализации и образования. Этот процесс позволяет нам понять, как устроен мир и наше место в нем, основываясь на принятых в определенном обществе стандартах и нормах поведения, опыте предыдущих поколений и культурных образцах конкретного народа. Общаясь с другими индивидуумами, которые разделяют нашу общую «культуру» мы получаем чувство комфорта и удовлетворенности, а также ощущаем себя безопасно в среде «соплеменников». Это придает нам уверенность и позволяет нам взаимодействовать с миром ни один на один, а опираясь на свою группу, что позволяет нам эффективно сотрудничать с предста-

вителями других групп используя понятные формы и способы поведения. Осознание принадлежности к группе, «племени» дает нам ощущение безопасности, которое является базовым и основывается на инстинкте самосохранения, заложенного в нас природой.

Развитие культурных групп является очень важным, фундаментальным для нас и для нашего взаимодействия с окружающим миром. Это объясняет, почему мы обычно стараемся оставаться в «своей группе» и управляться вождями «своего племени». Поговорка: «своя рубашка ближе к телу», здесь очень уместна. В рамках нашей группы мы знаем правила и нормы поведения, можем предвидеть поведение и реакции других членов группы, что обеспечивает нам относительный комфорт и безопасность. В этом контексте язык очень важен, так как, зная национальный язык, мы можем взаимодействовать с окружающими людьми и реализовывать свои интересы в рамках национального сообщества. Не зная языка, мы не можем взаимодействовать с другими на официальном или социальном уровне, не можем найти работу, создать семью, общаться с окружающими. То же касается, принятого в конкретном обществе невербального языка жестов, символов, знаков, мифов, традиций, стандартов поведения и языка жестов. Недостаток понимания ограничивает нас и исключает из нашего мира других индивидов и общество в целом. Поэтому, потребность в принадлежности к группе и желание стать частью общества (на-

ции), являются естественными для каждого человека. Этот феномен объясняет, почему этнические меньшинства, проживающие в составе государства другой нации, ощущают себя не комфортно и не в безопасности.

Культурные связи также тесно связаны с экономическими отношениями. Многие нации имеют свои собственные экономические интересы, состоящие из отраслей экономики и промышленности, которые наиболее развиты и являются ключевыми для благополучия народа. Такие интересы не только обеспечивают доходы необходимые для поддержания государства, но и дают работу населению. На глобальном конкурентном рынке, если одна нация не может предоставить товар или услугу, найдется другая, которая сможет. Наличие собственного национального государства является жизненно необходимым для защиты экономических и политических интересов конкретного народа. Независимое государство само по себе является экономическим ресурсом, так как предоставляет рабочие места тем гражданам, которые готовы работать в аппарате государственных органов. Государству необходимы служащие, администраторы, полиция и армия, а также работники сферы образования и культуры для сохранения и развития нации, ее языка и культуры.

Национальная независимость стоит того, чтобы за нее сражаться не только по политическим, но и экономическим соображениям. Национальное государство представляет и защищает экономические интересы своего народа в глобаль-

ном мире и это одна из наиболее важных задач государства – обеспечить занятость и благополучие людей. Так получилось, что на севере и юге Ирландии развились совершенно разные экономические интересы.

Для обеспечения экономических и культурных интересов нации, роль образования становится очень важной. Образование передает следующим поколениям основы национальной культуры, ценности, верования и экономические интересы народа. Программы изучения национального языка в школах призваны обеспечить выживание языка в будущем и создание языкового барьера для проникновения других культур в информационное жизненное пространство нации. Также, особое значение приобретает история, как способ самоидентификации народа, его места в мире, обоснования своей уникальности и отличия от других наций. Многие профессиональные историки часто посвящают свою карьеру опровержению различных исторических мифов и псевдонаучных теорий о нациях, которые бывают очень далеки от истины. В то же время, такие исторические мифы о прошлом нации дают благодатную почву для развития эмоциональных чувств принадлежности к «великому», «особому» народу и ощущение духовного единства с представителями своего национального сообщества.

Нация представляется как единая большая семья, состоящая из миллионов людей проживающих на огромных территориях. Происходит трансформация в нашем сознании,

и мы представляем себя частью единой нации, хотя иногда это может быть и не так. Поэтому для сохранения национального единства очень важен контроль над разумом людей. Такой контроль в прежние времена осуществляла религия и церковь, а сейчас в большей степени система образования и средства массовой информации. Система образования с этой точки зрения может рассматриваться как процесс национальной социализации, с целью воспитания общего у всех членов нации мировосприятия, культурных и ценностных ориентиров, а также общего информационного пространства. Таким образом, польские, немецкие и итальянские иммигранты становились американцами после обучения в школах и учебных заведениях США. Иммигранты из разных стран мира по прибытию в США воспринимали американскую культуру, и становились частью американской нации, несмотря на то, что их предки были представителями других этнических и национальных групп.

В результате принятия общих ценностей, правил поведения и языка, общество изначально различных по своему составу индивидуумов, начинало идентифицировать себя с определенной «политической» нацией, ее экономикой, безопасностью, культурой и другими материальными интересами. Когда страдал один член этого национального организма, все общество ощущало страдание, так же как успех одного, означал успех многих. Нация становилась живым субъектом человеческих отношений, наделенной своей уникаль-

ной духовной силой. Судьба конкретной нации стала восприниматься в неразрывной связи с волей Бога в религиозном и моральном аспекте. Исторически религия и нация-государство, были очень крепко связаны, что позже привело к появлению идеи о национальной церкви.

Религия стоит у истоков современного национализма. Согласно теории Гегеля об истории, мировой порядок с разделением людей на разные народы, имеет божественное происхождение. Нация сама по себе является сильным моральным авторитетом, который предусматривает некритическое восприятие всего, что связано с интересами нации. Мораль же, является основой любой культуры, которая определяет: нормы поведения, идеи о справедливости, понятия долга и обязанностей, ценности, верования и добродетели. Церковь в качестве «совести» народа, поучает нас, что хорошо, а что плохо, что морально, а что не является таковым. Сама идея вооруженной защиты своего народа, патриотизма, является религиозной по своей сути и является одной из основных обязанностей людей согласно священным писаниям мировых религий. Как моральный императив, нация, являясь духовной и божественной сущностью, выступает центральной темой националистической литературы.

В социологической и антропологической литературе, религия определяется как сеть социальных взаимоотношений, которая существует над людьми и формирует общество с установленными правилами поведения для каждого

его члена. Религия одновременно является продуктом и причиной общественных отношений. Каждый человек является составной частью общества, а общество дает нам самоидентификацию, знания, опыт, культуру, материальные возможности и другие, жизненно важные элементы. Общество это сила, которая существует, как бы, над нами и имеет высшее по отношению к нам положение, оно направляет нас к выполнению различных (необходимых для общества) обязанностей, регламентирует нормы и правила поведения, придает значение и цель нашей жизни, а также стоит выше любых личностных интересов. Общество действует по схожей с деятельностью церкви моделью, являясь образующим началом. А нация, в свою очередь, является высшей формой организации общества.

Нация, которая существует, в отличие от человека, сотни, а то и тысячи лет, дает нам ощущение принадлежности к «бессмертной» сущности, находящейся одновременно в прошлом, настоящем и будущем. В итоге, нация наделенная духовностью и моральной силой, обоснованная религией и воспетая популярными философами, становится важной ценностью для нас и требует нашего участия в ее жизни.

Традиционно, церковь была единственным учреждением, способным вести записи о повседневной жизни, как на уровне местной деревни, так и на государственном уровне. Церковь долгие годы была одновременно центром знания и образованности, а также вела летопись исторических событий.

Церковь как единственное образовательное учреждение наставляла своих прихожан, что и как нужно делать в ежедневной обычной жизни, а также как вести государственные дела. Люди в прежние времена жили по церковному календарю и регулярно отмечали религиозные праздники, дни святых, посещали богослужения.

Также, до появления независимых средств массовой информации, церковь выполняла медийные функции. Кафедра проповедника и церковь как храм, были не только местами отправления религиозного культа, но также и местом где зачитывались королевские указы, распространялись новости и обсуждались актуальные проблемы общества. В церквях собирались представители местного сообщества и проводили совещания по решению общих вопросов коммуны, обменивались новостями и сплетнями, а священник исполнял роль секретаря, который записывал решения собраний и был своего рода председателем местной общины. Во многих случаях, именно церковь закладывала основы появления и формирования наций. Клирики записывали особенности местного разговорного языка, стандартизировали грамматику и синтаксис, что, впоследствии, привело к появлению национальных языков и разделению народов по языковому принципу.

В наши дни многие традиционные церковные функции переданы государству. В тех странах (особенно мусульманских), где традиционные церковные функции остаются в ру-

ках церкви, которая считается неотъемлемой частью государства, нация выглядит сильнее и сплоченнее, а требования церковных иерархов и правителей государства воспринимаются как прямая воля Бога. Многие элементы такого церковного воспитания продолжают вкладываться в наше сознание системой образования. Само образование долгие годы находилось в исключительном ведении церкви, было основной функцией этого института в обществе, а мораль была основой церковного образования. Церковь учила нас тому, как морально взаимодействовать друг с другом, какие органы власти легитимны, а какие нет, говорили что хорошо, а что плохо. Это объясняет, почему Реформация стала дестабилизирующим фактором в политике Европы. Реформация представляла собой другую систему морали и ценностей, несла с собой новые идеи в отношении власти и легитимности. В Ирландии образование было и до сих пор остается почти полностью конфессиональным (католики учатся в одних учебных заведениях, а протестанты в других).

Вопрос моральности и легитимности возвращает нас назад к важной проблеме общества – доверию. Если один член группы не способен доверять другим, становится очень сложно понимать друг друга, а действия и поведения членов сообщества становится сложно предугадать. Эффективность нашего взаимодействия с окружающими во многом зависит от действия эмоций и чувств, а именно, значение имеет как окружающие реагируют на определенные события, знаки,

символы, обряды, мифы, верования и идеи. Реакции на указанные явления совпадают и понятны членам одной культурной группы, и наоборот, могут совершенно различаться у представителей других культур. Несомненно, то, что рассматривается одними как значимые и безвредные действия, другими могут быть восприняты, как враждебные и угрожающие.

Эту ситуацию наилучшим образом иллюстрирует «суд присяжных», чья задача выносить решение в суде, основываясь на личной убежденности – другими словами, люди, входящие в состав присяжных, являются уважаемыми членами общества и пользуются всеобщим доверием, наделяются правом судить наше поведение на соответствие принятым нормам. Если же в состав присяжных войдут представители другого общества/нации, то их суждения о деле могут коренным образом отличаться, так как они воспитаны в другой культуре и имеют другие стандарты поведения. Кроме того, законы в разных странах могут отличаться, потому присяжными по определению не могут быть представители другой нации.

Законы и понимание справедливости имеют культурную специфику. Если человек не является частью общепринятой в конкретном государстве культуры, он может чувствовать себя под давлением чужеродного общества, из-за непонимания или не восприятия культуры большинства. Что же происходит, когда две культурно разные группы людей прожи-

вают на одной территории, как, например, в Ирландии? Деятельность ИРА в 1919—1921 гг. в Республике Ирландия называются «национально-освободительной войной», но в Северной Ирландии протестанты-юнионисты считают это терроризмом, сепаратизмом и уголовными преступлениями. Что республиканцы считают священной борьбой за свободу и независимость, другая сторона считает террором. В результате каждая из сторон чувствует себя небезопасно на территории другой стороны.

В Северной Ирландии указанная концепция имела особое значение из-за исторических взаимоотношений между католиками и протестантами. Отличия между конфессиями в своей основе имеют религиозные корни происхождения национальной идентичности ирландцев. Католическая теология и система образования построена на схоластической философии Фомы Аквинского и его латинского перевода работ древнегреческого философа Аристотеля. Схоластика (также известная как Томизм), бывшая центральной философией католической церкви в девятнадцатом и двадцатом веках, имела доминирующую роль в общей системе образования Ирландии. Схоластика утверждала, что предвечный миропорядок и основы общественного устройства были переданы Богом непосредственно Римской церкви. С этой точки зрения, Папа и католическая церковь представляли мир, как божественный порядок.

Согласно схоластической системы образования, правда

и мораль, а следовательно все эмпирическое знание, включая понимание того, что правильно и неправильно, определяется католической церковью. Это, в свою очередь, вело к идеям о превосходстве божественного порядка, определенного католической церковью. Истину невозможно понять с помощью эмпирического наблюдения или в результате научных экспериментов, а только через веру и учение католической церкви.

В период Возрождения и Реформации в Европе, а также под влиянием открытий Нового Света, традиционная католическая схоластика подверглась сомнению и критике. Большое значение имело развитие науки в период Просвещения и Реформации, когда естественные знания и научный эксперимент стали в оппозицию к схоластической философии и церковной концепции мироустройства. Одной из главных причин, почему Реформация привела к кровопролитным религиозным войнам в Европе, была идея протестантов, что истина и знания могут быть доступными каждому с помощью образования и науки, так же как и слово Божье доступно каждому, посредством непосредственного изучения Библии. Идеи о естественном порядке, легитимности, истине и власти, были «наглым образом» отброшены протестантами, что имело серьезные социальные, экономические, политические и религиозные последствия.

Принятие новых прогрессивных идей и знаний, также привело к противопоставлению общества отдельной лично-

сти. Схоластика, из-за своих идей о порядке и иерархии, стремилась сохранить сложившийся общественный порядок и систему власти. Соответственно, индивидуум в церковной модели, находился в подчиненном состоянии, являясь все лишь частью общественного порядка, а не его центром. Сопротивление изменениям, консервативность, нетерпимое отношение к инакомыслящим, стали логическим продолжением схоластической философии в среде верующих католиков. Протестантская теология использовала в своем противостоянии с католиками, идею о полной индивидуальной свободе личности и уверенность в истинности и эффективности научного познания мира. Такая концепция была более открытой системой и терпимой к изменениям и прогрессу. К примеру, протестанты считали «хорошим» и «правильным», когда индивидуальная жизнь человека является успешной, комфортной, творческой и продуктивной. Напротив, схоластические идеалы это жертвенность и подчиненность одного ради многих, конформизм по отношению к власти и альтруизм по отношению к обществу.

В католической Ирландии, культ мученичества играл огромную роль в жизни общества и стоял у истоков многих общественных движений и печально известных «голодных протестов». Протестанты не разделяют культа жертвенности и даже часто высмеивают подобное поведение. Протестантская идеология стремится соединять в себе материальное и духовное, а материальный, экономический успех

воспринимается, как знак духовного благословения. Католицизм, наоборот, четко разделяет два начала с преобладанием духовности над материальными ценностями, а комфортная жизнь на земле противопоставляется «царству небесному» и жизни вечной после смерти.

В Ирландии, принятие людьми схоластической философии или протестантской, имело огромное влияние на политические процессы и отношение к легитимности власти в целом. Общественные взаимоотношения серьезно стали зависеть от принадлежности к тому или иному культурно-религиозному сообществу. Различия между сообществами и религиозными конфессиями в Ирландии были глубокими, так как каждая община по-разному воспринимала истину и имела собственную идеологическую концепцию жизни и устройства мира. Правда схоластиков лежит в прошлом, в древних текстах, истории и «старом порядке», судьбе древней ирландской нации. Протестанты же, напротив, используют научные методы для развенчания «мифов» националистов. Из указанных идеологических, концептуальных противоречий возникает недоверие и вражда между членами разных сообществ. Если люди по-разному воспринимают мир, используют разную терминологию, не доверяют друг другу, то такие люди не могут считаться членами одной нации.

Схожий процесс разделения и конфликта шел и на материальном уровне. Развитие промышленности и научных знаний в Ирландии имел свои локальные особенности. Так,

около 70% всех промышленных предприятий и научно-исследовательских учреждений острова были сосредоточены на севере, в исторической провинции Ольстер, которая к тому же была в своем большинстве протестантской. Так сложилось, что единственный промышленно-развитый регион Ирландии был и единственным регионом, где католики были в меньшинстве. На территории Ольстера проживало всего около 30% от общего населения Ирландии. В результате экономика Ольстера, социальные и политические интересы были отличными от интересов крестьянского, католического большинства Ирландии. Националистическое движение за возрождение гаэльской культуры, также не находило отклика среди жителей индустриального Ольстера, культурные и лингвистические интересы которых, находились в сфере англо-саксонской культуры, объединяющей их с обще британским и международным миром коммерции и торговли. Схоластические идеи о естественном порядке были понятны и логичны в аграрной экономике, но никак не соотносились с индустриальной.

Даже в промышленно-развитом Ольстере католическая церковь продолжала проводить обучение и воспитание своей паствы в схоластическом ключе. Поэтому, члены католического сообщества не понимали материальных и духовных интересов другой стороны. Различия между сообществами подрывали доверие, особенно, когда патриотизм одного сообщества являлся наивысшей моральной ценностью и про-

тивопоставлялся экономическим интересам другого.

Столкновение ценностей и интересов не было уникальным явлением Ирландии. По всей Европе в девятнадцатом и двадцатом столетиях, просвещенные, объединенные националисты находились в серьезном конфликте с католической церковью, которая активно противодействовала развитию науки, демократии, либерализму, социализму, и в целом современности. Иногда, такое идеологическое противоречие приводило к разделению в самой католической церкви, например, возникновение Старой католической церкви в Германии и Нидерландах. Тем временем, в модернизирующихся католических странах, таких как: Франция, Италия и Испания, указанная тенденция привела к возникновению антиклерикальных движений. И, наоборот, в регионах, где население считало влияние современности негативным, в Ирландии, юге Франции и Италии, землях проживания басков, указанное противостояние привело к реакции и католическому возрождению, так называемым «христианским революциям». Особенности этих движений мы здесь рассматривать не будем, что важно, так это понимание того, что появление этих общественно-политических движений стало возможным в силу огромного значения, которое играла религия в жизни общества в те времена. В течении долгого времени, именно религия была главным источником возникновения и развития другого, очень важного общественно-политического явления – национализма. Нации стали новой формой

самоидентификации и разделения людей, новым культом поклонения и самопожертвования, который привел народы Европы к небывалому насилию и жестокости в двадцатом веке.

Между националистическим и религиозным терроризмом может быть более близкая связь, чем мы считаем. Отличия между армией государства и террористической группой могут быть совсем незначительными на философском, теоретическом уровне. Многие причины, используемые государством для обоснования того, что граждане должны идти на войну, могут быть также использованы для оправдания того, почему человек должен становиться террористом. *Pro Patria More* (латинский – «умереть за родину») – это древний девиз. Если какая-то группа людей не имеет своего государства-нации, с которым можно себя идентифицировать, появляется причина появления террористической группы, ведущей «праведную» борьбу за свое государство. Страдать и погибнуть за высокий моральный идеал, великую цель, считается благородно. Можно сказать, что вся западная христианская цивилизация основывается на принципах самопожертвования. Так же как и сегодняшние террористы-смертники, Христос умер на кресте и принес себя в жертву ради других. Эта история позволяет понять сильную традицию мученичества, которая существует в большинстве мировых религий, также, как и в политическом национализме в форме национальных военных мемориалов и награждении посмертно. Самопожертвование ради интересов группы (нации), счита-

ется тем, ради чего стоит умирать. Такая вера в жертвенность наиболее сильна в среде католиков и мусульман, где теология жертвы ради Бога наиболее сильна.

Выводы

На сегодняшний день существует огромное количество хорошей литературы о национализме и религии, поэтому проведенный выше анализ, лишь краткий обзор основных теоретических аспектов явления. Однако, понимание главных исторических, социальных, политических, а также философско-мировоззренческих причин конфликта в Северной Ирландии, является очень важным для описания такого феномена, как ИРА.

Террористов из ИРА нельзя считать ни сумасшедшими, ни «плохими»; наоборот, многие «ирландские добровольцы» внешне создают впечатления высокоморальных и набожных людей. Кроме того, так же как настоящая война, ирландский конфликт предоставляет новые возможности для обычных людей, которые «благодаря войне» получают шанс занять лучшее положение в обществе, статус, власть и даже разбогатеть. Многие люди, вовлеченные в ирландский конфликт с обеих сторон, находят оправдание своим действиям высокими моральными идеалами и благородными целями. Терроризм по своей сути это социальная проблема, а мораль, в свою очередь, является основой социума.

Данная глава книги была посвящена краткому анализу философских и моральных систем, стоящих в основе каж-

дого из конфликтующих сообществ Ирландии, а также межконфессиональных отношений между католиками и протестантами, так как это является истинным источником проблемы. В то время, как движение ирландских националистов прочно ассоциируется с католицизмом, традицией и прошлым, ольстерский юнионизм ассоциируется с протестантизмом, научно-техническим прогрессом и в целом с современностью. Такое глубинное идеологическое разделение двух ирландских сообществ, было предметом жарких дебатов, так называемых «ревизионистов» в 90-х годах двадцатого века. Ревизионисты это группа ирландских историков, которые не согласны с традиционной «республиканской» версией истории, поддерживаемой националистами. Указанные ревизионисты в своих работах утверждают, что на самом деле британское правление в Ирландии не было таким уж плохим, а юнионисты Ольстера являются таким же объективным явлением, как и национализм ИРА, с позиции исторического анализа.

Ревизионисты считают себя представителями научной истории и делают свои выводы, основываясь не на политических интересах и в целях пропаганды, а исключительно на фактах, подтвержденных документально и словами непосредственных свидетелей и участников исторических событий. Существует, также, и «анти-ревизионистская» группа историков, которые яростно критикуют ревизионистов и называют их позицию «лженаучной», не ирландской по сво-

ей сути, а искусственной формой британской пропаганды. Республиканские историки утверждают, что ревизионисты используют лишь выборочные факты, а не анализируют историю ирландской нации в целом, обвиняя ревизионистов в том, что те изначально основывают свои выводы на позднем периоде ирландской истории, а не на ее прошлом, когда и происходило формирование нации. Поэтому, именно прошлое и есть, тем пунктом преткновения, который разделяет умы ирландцев сегодня.

Это разделение иногда больше, чем можно себе представить, когда люди, живущие на одной улице, могут быть смертельными врагами, всего лишь потому, что ходят в разные церкви и школы. Линия разделения проходит в умах и сердцах людей, воспитанных на разных ценностях. Разделение, также существует и на материальном уровне, когда принадлежность к тому или иному культурному сообществу, означает наличие или отсутствие экономических возможностей, статуса в обществе, благополучие конкретного индивидуума и его безопасность. Понимание себя и своего места в обществе пересекается с необходимостью вести постоянную борьбу с враждебным сообществом в прямом или переносном смысле. Два противоположных сообщества, существующие на одной территории, обречены вести смертельную идеологическую и физическую борьбу до полной победы какой-либо из сторон.

На юге Ирландии полную победу одержали ирландские

националисты и католики, а на севере конфликт углубился и остался нерешенным. Противостояние в Северной Ирландии стало очень кровопролитным и трагическим в силу того, что кроме самих ирландцев разделенных на два непримиримых лагеря (католиков и протестантов; республиканцев и юнионистов), в борьбе участвует еще одна нация – британцы, которые также имеют свои интересы в регионе.

Террор со стороны боевиков ИРА привел к еще большему террору со стороны унионистов и британского правительства. Католики националисты предлагают решить конфликт путем объединения Северной Ирландии с ирландской республикой, считая такой вариант единственно правильным и справедливым. Только после появления чуда «Кельтского тигра» и экономического бума в Республике Ирландия в 90-е годы прошлого века, в среде самих ирландских националистов, стал подниматься вопрос целесообразности присоединения севера к югу. Современная Ирландия уже в меньшей степени католическое государство с гаэльской культурой, но в большей степени государство член Европейского Союза, которое разделяет общеевропейские цивилизационные ценности: превосходство прав и свобод человека, гендерное равенство, уважение к правам сексуальных меньшинств, толерантность к представителям других рас, культур и религий и т. д. На сегодняшний день, часть ирландских националистов противостоят процессам глобализации так же, как и юнионистам.

Национальное разделение и вражду между народами, из-за которой пролилась кровь, намного сложнее упразднить, простить и забыть, чем не допустить ее появления. Многие нации часто мифологизируют свое древнее происхождение и героизируют прошлое, что не всегда справедливо и не всегда опирается на достоверные факты. Такая практика применима к тем нациям, которые сформировались путем слияния различных этнолингвистических и культурных групп, таких как французская или британская. Так называемый «сепаратистский» национализм, также использует свое «особенное» древнее происхождение, чтобы обосновать необходимость отделения своей нации от государства метрополии, например отделение Ирландии от Великобритании.

Ирландские республиканцы, которые используют в своей риторике жесткие националистические и «схоластические» идеи, ограничивают свою способность видеть другую версию событий и воспринимать другую точку зрения. Идеология интегрального национализма отличается тем, что относится крайне нетерпимо к другим идеологическим системам. Республиканцы полностью отрицают унионистов, как самостоятельную силу и объективную реальность, а своим главным противником считают британское правительство. Тем самым, националисты отказываются смотреть в корень проблемы и не понимают, что большинство населения Северной Ирландии не воспринимает республиканских идей и не желает воссоединения с остальной Ирландией по собственной

воле, независимо от позиции Великобритании. В такой закрытой идеологической системе, как национализм, который основывается на католической схоластике, признание легитимности противоположной стороны, автоматически означает признание собственной несостоятельности и не истинности собственных воззрений. Именно поэтому, ирландские националисты объясняют любое несогласие и противодействие своей политике в Северной Ирландии, как деятельность иностранных (имперских) агентов и «пятой колонной».

Абсолютная уверенность в собственной правоте, как бы предоставляет националистам мандат на использование силы и вооруженного сопротивления для достижения своей «великой» цели объединения и освобождения нации от иностранных оккупантов. Республиканцы вынуждены бороться с любым серьезным сопротивлением собственной позиции внутри нации, так как только они имеют монополию на истину. Ирландские националисты не могут позволить себе потерять какую-либо часть из своей жесткой идеологической конструкции, так как после этого, вся система рухнет. «Всё или ничего», – такое кредо националистов во всем мире, не только в Ирландии.

Проблема «схоластического» обоснования своей позиции, также касается и современной римско-католической церкви и ее сложных взаимоотношений с другими конфессиями, в особенности протестантами. Если католическая цер-

ковь называет себя единственной истиной вселенской церковью и «телом Христовым» на земле, как она может воспринимать другие христианские деноминации как равные?

Наконец, как воспринимать ИРА, как левую или правую организацию, беря во внимания риторику «добровольцев» о социалистической республике. Со времени своего появления в 1916—1921 годах, Ирландская Республиканская Армия была исключительно националистической организацией, чьей идеологической целью была свободная и независимая Ирландия с католической церковью, как единой признанной в государстве. Поэтому, можно с уверенностью утверждать, что ИРА это католическое вооруженное формирование радикальных националистов. Истинность данного утверждения подтверждается политикой, проводимой в независимой Ирландии на протяжении долгого времени, а именно: конституционных запретов на проведение абортов, контрацепцию и разводы (смотрите конституцию Ирландии 1937 г.). В Республике Ирландия долгое время вся система образования находилась в руках католической церкви, а государство в своей политике придерживалось традиционных католических воззрений на многие общественные проблемы. ИРА также в своей деятельности и взглядах руководствовалась католическими ценностями и идеями, которые очень далеки от социализма. Называть ИРА левой организацией абсолютно неправильно.

В 1954—1962 гг., во время так называемой «пограничной

кампании», которая оказалась провальной, ИРА испытывала определенное марксистское влияние, когда пыталась создать широкий альянс с «прогрессивными» силами и левыми движениями Европы. Однако, данная инициатива не увенчалась успехом и наоборот, в 1969—1970 гг. такая связь привела к конфликту и разделению самой ИРА. С того времени, марксистское левое крыло организации стало называться «официальной» ИРА, поддержка которой среди ирландцев стремительно падала и уже в 1972 году «официальная» ИРА де-факто прекратила свое существование. Отделившаяся группа радикальных националистов во главе с Джерри Адамсом и Мартином МакГиннесом стала называться «временной» ИРА, которая вскоре стала единственной группой в организации и по сути, де-факто, это и есть сама ИРА.

Временная ИРА была эксклюзивно католической организацией (в отличие от «официальной» ИРА, среди членов которой было много протестантов), целью которой было полностью изгнать из Ирландии британские оккупационные силы. ВИРА никогда не критиковала учение католической церкви и всегда была «на правильной стороне». Поэтому ВИРА и Шинн Фейн всеми специалистами и аналитиками всегда называются традиционными националистическими и этно-сепаратистскими организациями. ВИРА и Шинн Фейн никогда в своей риторике и политической деятельности не использовали ничего такого, что можно было бы назвать действительно социалистическим. На самом деле, ИРА всегда

была и остается реакционной ультранационалистической организацией.

В националистической литературе специалисты отмечают, что ИРА является представителем реакционного национализма. Более того, многие историки ревизионисты считают, что ирландский национализм находится в состоянии идеологического конфликта с современностью. Те немногие марксисты, которые поддерживали ИРА, должны были в первую очередь быть националистами. Ценности, которые исповедуют ирландские националисты, являются традиционными патриархальными и крестьянскими по своей сути, стоящими в обороне католической веры и гаэльской культуры. Те лозунги республиканцев, которые можно трактовать как социалистические, нужно рассматривать как образцы традиционной общинной культуры и клановости ирландского общества, основанные на учении католической церкви.

Националисты, находящиеся в правительстве и вне его, всегда демонстрировали жесткий ортодоксальный подход к экономике и стояли в обороне частной собственности. Таким образом, более правильно считать ИРА частью общеевропейского реакционного движения националистов и романтиков, которые на рубеже 19—20 веков восстали против идеалов современного мира. Добровольцы ИРА, несомненно, являются реакционерами и правыми экстремистами, которые ведут войну против Великобритании и юнионистов,

не только из националистических соображений, но и потому, что британское государство олицетворяет собой прогресс и современные ценности.

Северная Ирландия не была идеальным образцом прогресса и современности, но была, своего рода, полем битвы «старого» и «нового». Здесь «прогрессивное» употребляется в более широком социологическом смысле и означает, что общество в Северной Ирландии в отличие от южной части острова, было более современным и индустриально развитым, которое опиралось на научно-технический процесс и современные ценности капиталистического общества. Ирландские националисты, в свою очередь, полностью отбрасывали ценности современного индустриального и капиталистического общества, обращаясь взамен к традиции и религии, как источникам истины.

Основой идеологической критики и политической борьбы националистов, было несогласие с разделением Ирландии на два государства и непризнание легитимности существования Северной Ирландии в принципе. Рабочий класс и профсоюзы Северной Ирландии всегда поддерживали унионистов, даже когда не соглашались с отдельными политическими лидерами и действиями правительства. На юге же Ирландии националисты и католическая церковь часто проявляли свое негативное отношение к организованному пролетарскому движению в целом и марксистам в частности.

Следовательно, Ирландскую Республиканскую Армию

нужно рассматривать исключительно, как праворадикальную и реакционную националистическую организацию, которая идеологически выступает против либерализма и международного капитализма, а также несет в себе черты христианского (католического) фундаментализма. Позиционируя себя, как правая организация и противодействуя юнионистским организациям Ольстера, которые часто представлены промышленными магнатами, землевладельцами джентри и рабочим классом, республиканцы из ИРА и Шинн Фейн часто могут выглядеть левыми, хотя это совсем не так. Факт того, что республиканцы никогда не находили понимания у протестантского рабочего класса и не проводили никаких существенных социальных инициатив, а в своей риторике использовали исключительно националистические лозунги и терминологию, говорит о том, что ИРА определенно не является леворадикальной организацией. Кроме того, ИРА в определенном смысле можно назвать антиглобалистами и даже контрсистемной, антигосударственной оппозицией. По сути, «добровольцы» ИРА это классические реакционеры, традиционалисты и ультранационалисты современности. В наши дни таких людей принято называть экстремистами, и мы считаем это определение весьма точным и справедливым.

Правы те, кто называет ИРА террористической организацией и в то же время правы и те, кто называет ее национально-освободительной. Обе позиции верны и при оценке этого

явления значение имеет лишь то, с какой стороны посмотреть и какими мировоззренческими концепциями при анализе руководствоваться...

2. Краткая история Ирландии до Пасхального восстания 1916 года

На сайте Шинн Фейн написано, что история Ирландии это история продолжающейся борьбы и сопротивления британской оккупации. Республиканцы утверждают, что до английского вторжения на остров в 1169 году, ирландский народ жил в мире и с незапамятных времен был однородным по своему этническому составу и вел свое происхождение от кельтских племен, проживавших в Ирландии. Такова точка зрения националистов, которые настаивают на древности происхождения ирландской нации, ее естественных правах на самоопределение и справедливости борьбы против иностранных захватчиков. При этом проблема состоит в том, что националисты полностью отрицают какое-либо другое, альтернативное трактование исторических вопросов, используя схоластические методы, считают любую отличную от их собственной точку зрения априори ложной и не требующей дополнительных доказательств и анализа. Трудно вести дискуссию с тем, кто не желает ее вообще.

Для республиканцев современная ирландская история начинается в 1169 г. и являет собой эпическую борьбу порабожденного народа против вероломных захватчиков. До того времени, как описывают большинство националистов, был,

так называемый, «золотой век» Ирландии, когда независимые ирландские королевства жили в идиллическом «гаэльском» мире, наполненным благородством и высокой культурой быта (как говорил классик в известном фильме). На самом деле историю Ирландию нельзя рассматривать настолько ангажировано и предвзято. Взгляд ревизионистов и независимых историков на данный вопрос отличается коренным образом.

В нашей работе мы попробуем кратко и по возможности максимально объективно рассмотреть ключевые моменты истории Ирландии, для того чтобы лучше понимать особенности ирландского народа, историю взаимоотношений с англичанами и британским государством, а также те исторические причины, приведшие к появлению Ирландской Республиканской Армии в 20 веке.

История Ирландии до английского завоевания

Приблизительно 10—15 тысяч лет назад, два острова Ирландия и Британия физически были единым целым. Ирландия была частью одной геологической структуры с высокогорьем Британии (Шотландии). Первые известные современной науке люди на территории Ирландии появились в период мезолита. Это была примитивная племенная культура охотников и собирателей.

Только в 7 веке до н.э. появляются первые свидетельства о гаэлах (кельтских племенах) проживавших на острове Ирландия. Гаэлы мигрировали в Ирландию из центральной Ев-

ропы через Британию, где они осели и стали правителями на этих землях. Кельты были основным этносом, проживавшим на территории британских островов в период появления здесь римлян. По непонятной причине римляне называли кельтские племена, проживавшие в Британии, по-разному: скотты (проживали на территории современной Шотландии), иберния, бритты, пикты. Племена, проживавшие в Ирландии и на севере Британии, римляне также называли кривитни.

Древняя история британских островов во многом была общей, и потому сложно как то выделить историю отдельного острова в тот период. Однако, римляне оккупировали только территории соответствующее современной Англии и Уэльсу. Именно с римского периода начинается явное разделение этих регионов от Шотландии и Ирландии.

Довольно долгое время никакой из островов, ни Британия, ни Ирландия, не были объединены под единой политической властью. Британские острова были внутренне разделены на несколько маленьких королевств полукочевых народов без четко определенных границ, которые часто менялись. В 5—6 веках нашей эры в Ирландии существовало 8 королевств: Коннахт, Лейнстер, Мунстер, Улад, Мидэ, Осрайге, Брейфне, Айргиалла. В Ирландии и Британии долгое время не было и намека на единение и одну верховную власть, только в 9 веке н.э. возникло Английское королевство. На территории британских островов в период ран-

него средневековья все права на собственность, земельные наделы и власть, находились в руках кланов, больших феодалных родов со своей иерархией и клановыми обычаями. В Англии, Уэльсе, Шотландии и Ирландии существовали свои собственные правовые системы, подчас очень концептуально отличавшиеся друг от друга. Идея верховного короля всей Ирландии существовала, но больше как символическая фигура, реальной власти над всем островом не было, ни у кого из местных лордов. Только в 11 веке на протяжении очень короткого времени (1002—1014), существовало некое подобие единой центральной власти во время правления Бриана Бору, родоначальника династии О’Брианов, лидера клана Дал Кайс, короля Мунстера и Верховного короля Ирландии. Проще говоря, идея унитарного ирландского государства была в большей степени чужеродной концепцией, не свойственной разделенной на кланы Ирландии.

В 6 веке на территории современной провинции Ольстер, местные племена скоттов соорудили мощную систему земляных укреплений (названую «*Вал Черного Борова*»/англ. *Black Pig’s Dyke*) и линию оборонных сооружений для защиты от южных племен. Позже эти племена вторглись на острова и высокогорья Каледонии, где создали королевство Дал Риада, которое сами называли Землей Скоттов (Scotland). Жители Земли Скоттов говорили на гаэльском языке, а короли Дал Риады стали предками шотландских королев из династии Стюартов. На территории Дал Риады христианство

проповедовал святой Колумба Ирландский, который таким образом принес христианство на землю Шотландии. В саму же Ирландию христианство попало посредством проповеднической деятельности валлийского святого (Св. Патрика) в 5 веке.

Одна организация все-таки смогла сформировать единую на всем острове иерархическую систему власти, и это была католическая церковь. Она формировалась вокруг монастырей, построенных в изолированных местах, потому что в то время не было городов, где можно было строить такие духовные сооружения. В результате монастыри стали центрами распространения влияния ирландской церкви, которые формировали по всему острову сеть монашеских общин, вокруг которых со временем выросли целые поселения и города. Конечно, можно сказать, что даже церковь была своего рода иностранным захватчиком из Рима, пытавшаяся связать Ирландию с остальной Европой и создать единую общеирландскую структуру общества. Это важно понимать, так как позже, именно религиозные организации сыграли одну из главных ролей в возникновении современных наций.

Со времени «английского вторжения», только католическая церковь, гаэльская культура и «брегонский закон» (свод древнеирландских законов), были единственными всеирландскими структурами. Во всем остальном, Ирландия была разделена между небольшими феодальными королевствами, под властью номинального Верховного короля, которого де-

факто не было. Вторжение в Ирландию норманнов из Англии имело огромное влияние на дальнейшую историю острова. Норманны сначала захватили Англию, затем южный Уэльс и южную часть Шотландии, где смогли закрепиться и создать свое сильное королевство.

Ирландские феодальные лорды и кланы часто формировали военно-политические союзы с валлийскими королями для участия в решении внутренних проблем и военных конфликтах друг друга. Вторжению норманнов в Ирландию в 1169 году предшествовало лишение власти и владений короля Лейнстера Диармайта МакМурхада в результате внутреннего феодального конфликта. Еще в 1152 году Диармайт МакМурхада похитил Дербфоргайлл, жену Тигернана О'Рурка, короля Брейфне. Несмотря на то, что позднее Дербфоргайлл была возвращена своему мужу, Тигернан О'Рурк убедил верховного короля Ирландии изгнать из Лейнстера Диармайта МакМурхада. Диармайт, чтобы вернуть себе престол, отправился в Англию, где обратился за военной помощью к королю Генриху II Плантагенету. В итоге, английские и валлийские войска во главе с Ричардом де Клером «Стронгбоу», 2-м графом Пембрука помогли МакМурхаду вернуть королевский престол в Лейнстере. В обмен на военную помощь, МакМурхада обещал де Клеру земли и руку своей дочери Евы, которая впоследствии стала женой графа.

Вторжение англо-норманнских войск в Ирландию поло-

жило начало английскому правлению на острове. После смерти Диармайта МакМурхада в 1171 году, лордом Лейнстера стал Ричард де Клер, что позволило норманнам легитимно закрепиться в Ирландии. Также, благодаря своему возвышению де Клер вышел из прямого подчинения королю Англии, что очень не нравилось Генриху II.

После успешных походов Ричарда де Клера, король Англии Генрих II Плантагенет в 1171 предпринял большое вторжение в Ирландию, где подчинил своей власти Лейнстер, Миде и Дублин. Часть ирландских вождей прибыла ко двору английского короля и принесла ему присягу на верность. В ноябре 1171 года Генрих II Плантагенет в Дублине принял титул лорда Ирландии, а в 1172 году Папа Римский Александр III выдал буллу королю Англии, подтвердив его сюзеренные права на Ирландию. На церковном соборе в Кашеле ирландские епископы признали верховную власть Генриха II.

Генрих II, получив контроль над Ирландией, сразу же начал внедрять на острове норманнские законы и порядки. Кроме того, в захваченный регион в большом количестве хлынули норманнские мигранты, в том числе аристократы и военачальники, которые получали от короля земельные наделы на территории острова. Некоторые представители ирландских кланов вступали в брачные союзы с норманнскими баронами и, таким образом, происходило укрепление связей местной и прибывшей знати. Гаэльские вожди кланов

были рады перенимать норманнские знания и продвинутые военные технологии, но часто конфликтовали с норманнами из-за неприятия феодальных порядков и законов англичан, а также их привилегий по отношению к местной знати, которая руководствовалась древним «брегонским законом». Но в целом, несмотря на незначительные конфликты феодальных интересов, серьезного сопротивления проникновению норманнов и англо-валлийских захватчиков на остров не было.

Для укрепления и консолидации власти нормандско-английской короны в Ирландии была построена сеть замков и укреплений, также как в Англии и Уэльсе. Диспуты происходили только во время норманнских попыток реформировать церковь, феодальных земельных споров и введения парламентской формы правления. Английский парламент, как орган власти впервые появился в 13 веке, который способствовал формированию англо-саксонской системы права, возникновению бюрократии и укреплению английского правления в Ирландии. Со времени появления английского парламента и законодательной системы, начинается процесс постепенного сокращения ирландской автономии и культурной ассимиляции Ирландии.

В Дублине появился собственный ирландский парламент, который был полностью подконтрольный Лондону и был, по сути, опорой королевской власти в регионе. Но, несмотря на усилия английского правительства по централизации

и унификации страны, вожди ирландских кланов продолжали сопротивляться. В общем говоря, территория подконтрольная английской короне в Ирландии ограничивалась Дублином и окрестностями (всего площадью около 160 км.), за этими пределами власть английского короля имела малое влияние. Здесь местные кланы продолжали свои феодальные войны, демонстрируя свое полное неуважение к королевской власти.

Гаэльская средневековая Ирландия формально принимала власть английской короны, но при этом продолжала сохранять свою самобытную культуру и широкую автономию. Норманнские правители Англии, со своей стороны, рассматривали Ирландию как плодородную аграрную колонию, населенную полу-цивилизированным отсталым населением.

Современные идеи о государстве и нации в то время не существовали, и большинство монархий Европы состояли из земель заселенных различными этносами и населением, разговаривавшем на разных языках. Внутренние феодальные и гражданские войны, дворцовые перевороты, крестьянские бунты и восстания недовольных аристократов, случались повсеместно. Люди были подданными монарха или лорда и не ассоциировали себя с конкретным народом, или абстрактной «нацией». Человек в первую очередь должен был быть верным вассалом и слугой своего короля, а не французом, немцем или англичанином. Например, Османская империя владела землями, населенными людьми различного

происхождения, культуры и вероисповедания, среди них были и христиане (сербы, греки, румыны и др.).

Ирландия всегда была проблемным регионом и оставалась потенциальным местом вторжения в Англию иноземных сил, как это и случилось во время Войны роз. Когда Генрих VII Тюдор наконец одержал победу в войне за английский престол в 1485 году, две наибольшие угрозы его правлению пришли из Ирландии. Первый претендент на трон Ламберт Симнел был коронован в Дублине в 1487 году перед своим вторжением в Англию во главе объединенных ирландских, английских и немецких войск. Английские интересы в Ирландии всегда были под угрозой из-за феодальных интересов вождей ирландских кланов и местной знати, некоторые из которых владели английскими дворянскими титулами.

Тем временем, общее развитие Европейской цивилизации, открытие Америки и морских путей на дальний Восток означало, что Европа 16 века переориентируется на Запад. В связи с этим Ирландия получает новое стратегическое значение для английской короны со времени правления Генриха VIII Тюдора (1509 – 1547) и до сегодняшнего дня. Беззаконная и мятежная Ирландия воспринималась терпимо во времена «старого мира», но не могла больше оставаться источником проблем, занимая стратегическое положение между новыми торговыми путями и Лондоном. Осознание короной потенциальной ирландской угрозы и нового значе-

ния Ирландии, способствовало усилению попыток английского правительства установить жесткий контроль и свои законы над всем островом. После того, как Генрих VIII Тюдор отделил английскую церковь от Рима и объявил себя королем Ирландии в 1536 году и начинается современная история ирландского конфликта, так как реформация не достигла успеха в Ирландии, а наоборот, привела к реакции и жесткому сопротивлению ирландцев королю «еретику».

Агрессивные протестантские чиновники были направлены короной в Ирландию, чтобы порвать с влиянием католической церкви в регионе и «национализировать» монастырские владения. Против такого самоуправства английской короны открыто восстала старая ирландско-норманнская аристократия острова и католическая церковь Ирландии.

С этого момента начинается настоящее разделение Англии и Ирландии по религиозному и культурному признаку. Королева Елизавета Великая (1558 – 1603) начала политику переселения ирландцев в новые колонии в Америке и заселение Ирландии выходцами из Англии и Уэльса, для ускорения процесса ассимиляции острова и приобщения ирландцев к процессу расширения империи. Несмотря на политику Лондона, права английского монарха на управление Ирландией никто не оспаривал.

Ирландия была источником возможностей для английских авантюристов и искателей приключений, таких как Волтер Рейли и Эдмунд Спенсер. Такие люди часто полу-

чали земли, конфискованные у восставших ирландских дворян, что было стандартной формой наказания мятежников в Европе. К своим новым владениям в Ирландии английские помещики подходили со всей серьезностью, стараясь развивать и улучшать свою вотчину. Попытки реформировать ирландскую церковь не увенчались успехом, так как отсутствовала поддержка местного населения.

Можно ли считать английскую политику в Ирландии колониальной и репрессивной, или это было проявлением суверенных и легитимных прав монарха на управление своими подданными? Так как со времен правления династии Тюдоров, не было ни одной серьезной попытки опротестовать права английских монархов на Ирландию. Восстания, которые периодически происходили, в основном носили социально-экономический и феодальный характер, в самой легитимности власти британской короны над Ирландией никто не сомневался.

С другой стороны, легитимность английского правления в Ирландии можно оспорить юридически. Права английского короля на ирландский престол были подтверждены папской буллой в 1172 году. Но, после того, как король Генрих VIII Тюдор отделил английскую церковь от католической, а в 1570 году Папа Римский формально отлучил от церкви королеву Елизавету и освободил всех католиков от верности ей, возникает серьезный вопрос о легитимности английской власти над островом. Может ли монарх, который юридиче-

ски получил власть над определенной территорией от главы церкви, оставаться легитимным правителем этих земель, если он вдруг перестал признавать власть церкви, а церковь в ответ отказалась признавать власть монарха? Кроме того, не надо забывать, что население Ирландии было в то время полностью католическим и безоговорочно признавало авторитет Папы Римского. Церковный раскол в английском королевстве поставил серьезный вопрос о лояльности католического населения Ирландии королеве еретичке, отлученной от церкви.

Ирландский вопрос никогда не был полностью решенным и обе стороны находились, как бы в позиции выжидания, не решаясь к открытой конфронтации. Кроме того, английская корона разумно использовала местных ирландских магнатов и дворян для управления Ирландией от своего имени. Формально ирландская церковь была реформирована, парламент в Дублине поддерживал корону, а местная знать была экономически заинтересована в сохранении статус-кво. Поэтому, такой механизм управления долгое время сохранял относительную стабильность и порядок в Ирландии. Несмотря на то, что большинство населения острова были католиками, а местная знать периодически решалась на открытое противостояние с правительством, серьезного вызова британскому владычеству в Ирландии не было.

Наиболее проблемным регионом в этом контексте был Ольстер, регион географически отдаленный от Дублина

и Лондона, имевший, к тому же, тесные связи с Шотландией. Магнаты и аристократы Ольстера оспаривали английскую власть, считая свой регион продолжением Стратклайда (юго-западная провинция Шотландии).

Английская колонизация Ольстера и Ирландии в 17—18 веках

При короле Якове VI Шотландском (Яков I в Англии), который унаследовал английскую корону от Елизаветы в 1603 году, вопрос пацификации Ольстера приобрел особую важность, что стало причиной начала политики английской колонизации региона, начиная с 1609 года. Это была масштабная программа по переселению в Ольстер английских и шотландских протестантов. Многие исследователи, считают это событие началом современной истории Ольстера, в результате которого в ирландское общество была внедрена группа людей (колонизаторов), носителей отличной от местного населения культуры и религии.

Политика колонизации Ольстера, проводимая английским правительством, полностью изменила регион к концу 17 века. Экономически развитое и процветающее протестантское сообщество с пуританской этикой и отношением к труду, как величайшему достоинству человека, стало основой будущего промышленного и экономического развития региона.

Ольстер, бывший ранее отсталым регионом, известный своим полукочевым овцеводством и общинным земледели-

ем, наполовину варварскими гаэльскими традициями и брегонским законом, стал местом, заселенным предприимчивыми и прогрессивными людьми другой культуры и религии. Их целью стало развитие в регионе современного интенсивного земледелия и животноводства. Приезжие протестанты-колонизаторы стали быстрыми темпами возводить новые города, заниматься торговлей и ремеслами, а также распространять среди местного населения новые современные идеи, научные знания и англо-саксонскую систему права. Таким образом, приезжие колонизаторы несли в Ольстер цивилизацию и прогресс.

Землю отбирали у мятежных гаэльских лордов и передавали ее новым хозяевам, которые были обязаны селить на ней английских колонизаторов. В реальности, большая часть католического гаэльского населения оставалась обычными арендаторами земли, как это было ранее, и продолжали работать на своей земле, но теперь на другого лорда (часто это были все те же ирландские вожди кланов). Поэтому, новое протестантское население Ольстера селилось рядом с ирландскими католиками, что часто приводило к смешанным бракам между семьями. Этот процесс активно происходил до 90-х годов 17 века, когда в Ольстер хлынула волна шотландских мигрантов, спасавшихся от голода.

На самом деле, оба сообщества Ольстера выигрывали от смешения. Внедрение в регионе современных методов ведения сельского хозяйства, законодательных новшеств

и прогрессивных экономических идей, привело к быстрому развитию и процветанию провинции. Но, вместе с тем, происходило взаимодействие местных жителей с другой культурой и этносом, который стремился вытеснить и полностью подчинить себе гаэльскую культуру. Даже сегодня, боязнь обществом перемен и потери своей традиционной культуры, порой приводит к агрессивному сопротивлению и даже терроризму в разных частях света. С этой точки зрения, можно сказать, что политика английской колонизации стала отправной точкой современного конфликта в Северной Ирландии. Искусственное внедрение «чужеродного» элемента в традиционное католическое и гаэльское общество Ирландии, стало причиной ожесточенного сопротивления местного населения этому процессу, что, впоследствии, привело к кровавому конфликту между двумя родственными народами.

Для современных республиканцев, процесс «колонизации» приобретает особое значение и используется для обоснования незаконности экспроприации земли у католиков. Английские колонизаторы, таким образом, являются нелегитимными собственниками ирландской земли, с точки зрения националистов.

Колонизация Ольстера по времени совпала с периодом Тридцатилетней войны в Германии (1618—1648), когда из-за религиозных различий происходили массовые казни и пытки инакомыслящих, осуществлялась конфискация собственности и феодальных титулов, а также проливалась сол-

датская кровь на полях сражений по всей Европе. Во время этого периода истории, религию воспринимали очень серьезно (атеизма не было в принципе), еще и потому, что от принадлежности к той или иной религиозной конфессии, зависели возможные социальные, экономические и политические последствия, как то, лояльность к правителю, легитимность власти, законность прав на землю и т. д. Поэтому, когда немецкие курфюрсты в Священной Римской империи теряли свои владения, и местами до 50% населения было убито лишь из-за религиозных различий, это не могло не оказать влияния на Ольстер и Ирландию в целом.

Итак, здесь мы отмечаем другой важный момент в изучении феномена современного терроризма – события, происходящие в мире, обязательно оказывают свое влияние на развитие ситуации на местном и региональном уровне. Глобальная геополитика и мировые тенденции, так или иначе, «задают тон» локальной политики. Влияние Тридцатилетней войны на одно важное событие в истории Ольстера несомненно, когда в 1641 году произошла «резня протестантов», ставшая началом Ирландского восстания и Войны ирландской конфедерации (1641—1653). В Ирландском восстании 1641 года были убиты около 4000 протестантов и еще 12000, возможно, умерли от бедности и болезней после того, как были изгнаны из своих домов. Война ирландской конфедерации была одновременно религиозным и этническим конфликтом за управление Ирландией, будет ли она контро-

лироваться Англией, какие этнические и религиозные группы будут владеть большей частью земли, и какая религия будет преобладать в стране. Эта война стала самым разрушительным конфликтом в истории острова.

События в Ирландии стали частью последующей Гражданской войны в Англии между роялистами (кавалерами) и сторонниками парламента (круглоголовыми) во главе с Кромвелем.

Оливер Кромвель, который стремился восстановить контроль парламента над Ирландией и желавший отомстить католикам за «резню протестантов» в Ольстере, оставил после себя тяжелую память у ирландцев, подвергшимся массовым казням войсками английского парламента. Кромвель возглавил вторжение английских войск в Ирландию в 1649—1650 годах, в результате которого силы ирландской конфедерации и английских кавалеров были полностью разгромлены. Ирландские католики считают, что войска Кромвеля в те годы действовали с особой и чрезмерной жестокостью. «Круглоголовые» подвергали немедленной казни любого ирландца, отказывавшегося безоговорочно признать власть английского парламента или бывшего католиком. Завоевание было столь жестоким, что Кромвеля до сих пор ненавидят в Ирландии.

Кампания Кромвеля по завоеванию Ирландии (1649—1653) была последним этапом английской гражданской войны, направленной против остатков армии роялистов, ко-

торые сформировали союз с ирландской конфедерацией и реорганизовали свои силы на территории острова. Одной из причин вторжения войск парламента в Ирландию было то, что английский парламент для ведения войны с роялистами взял кредит в размере 10 млн. фунтов в соответствии с Земельным законом от 1640 года, по которому вся сумма долга должна быть погашена за счет земель, конфискованных у ирландских повстанцев-католиков. Для выполнения этого условия нужно было сначала отвоевать эти земли.

Политика конфискации земель у католиков в Ирландии продолжалась до периода Реставрации короля Карла II (1660—1685), когда земельные права католиков были восстановлены и закреплены законодательно во время правления католического короля Якова II (1685—1688). В Ирландии такое изменение ситуации было встречено поселенцами Кромвеля с опасениями. Протестантские поселенцы в Ирландии боялись повторения событий 1641 года, что еще раз подтверждает глубокую связь между религией, политикой и экономикой.

Если считать истинным утверждение, что нации это культурные сообщества людей, носителей определенных моральных ценностей, то протестанты в Ирландии сформировали своеобразное элитарное сообщество. Протестантская элита в Ирландии находилась как бы вне крестьянского католического общества, но, при этом, она им управляла. Присутствие на одной территории двух различных культурно-мо-

ральных сообществ, означает наличие различных взглядов на легитимность власти и законность имущественных прав членов этих сообществ. Республиканцы, исходя из этой логики, считают даже современных протестантов нелегитимными собственниками ирландской земли и не имеющими никаких прав на власть в Ирландии, потому что потомки протестантских колонизаторов исторически не являются частью единого морально-культурного сообщества ирландских католиков.

В 1688 году, король Яков II Стюарт в результате «Славной революции» в Англии был свергнут с престола и его место занял голландский принц Вильгельм Оранский, который и стал правителем трех королевств под именем Вильгельма III (в совместном правлении со своей женой Марией II Стюарт, дочерью Якова II). Государственный переворот получил широкую поддержку среди протестантского населения и аристократии Англии. Яков II осуществил попытку вернуть себе престол во время войны двух королей с 1689 по 1691 годы в Ирландии. Вильгельм Оранский вынужден был вторгнуться с англо-голландскими войсками в Ирландию, где нанес «якобитам» сокрушительное поражение в битвах на реке Бойн и при Охриме. Победа протестантского короля над католиками до сих пор отмечается юнианистами Ольстера каждый год 12 июля (также известен как «День оранжистов»). Данный военный конфликт и сама «Славная революция» в Англии имели важнейшее международное значение, так

как с обеих сторон в событиях участвовали внешние силы. Претензии Якова II на английский престол поддерживали король Франции Людовик XIV и Папа Римский, а Вильгельма Оранского поддерживали Нидерланды и протестантские немецкие князья.

Победа Вильгельма на долгие годы положила конец католическому сопротивлению в Ирландии, и утвердило господство протестантов в Ольстере. Осада Дерри (Лондондерри) в 1689—1690 гг., когда протестанты в тяжелых условиях оборонялись от армии католиков на протяжении многих месяцев, стала сакральным историческим событием для юнионистов Ольстера, которое также отмечается в наши дни в Северной Ирландии. После окончания войны двух королей и капитуляции якобитов в Лимерике, Вильгельм предложил мир на «справедливых» условиях. Главным тезисом мирных переговоров было гарантирование в государстве свободы вероисповедания для всех подданных, при условии уважения к государственной религии и неоспоримости прав Вильгельма III на престол трех королевств. Также, Вильгельм разрешал католическим землевладельцам сохранить в своей собственности 14% земельных владений, давал право католикам, при желании, свободно покинуть Ирландию и позволял ирландским дворянам служить за границей.

В годы правления Вильгельма III были проведены глубокие реформы, заложившие основу политической и хозяйственной системы страны. В эти годы начинается стреми-

тельный взлет Англии и её превращение в могучую мировую державу. Одновременно закладывается традиция, по которой власть монарха ограничивается рядом законоположений, установленных фундаментальным «Биллем о правах». Уменьшилась дискриминация протестантских меньшинств (Акт о веротерпимости), но сохранилась, а затем усилилась дискриминация католиков – они, в частности, не могли занимать престол и лишались права голоса.

Новый ирландский парламент 1692 г. (с протестантским большинством), был настроен менее миротворчески, чем сам король, приняв так называемые «законы против папистов и нонконформистов». Эти законы запрещали всем католикам в Ирландии занимать общественные должности в органах власти и самоуправления, лишали права голоса, запрещали католикам носить оружие, покупать землю, и отменяли условия мирного договора в Лимерике. Поэтому, ирландские аристократы-католики, фактически, встали перед угрозой полной потери своих земель, собственности и привилегий. Этот эпизод истории сейчас часто используется ирландскими республиканцами, чтобы представить протестантов незаконными узурпаторами прав и свобод католиков, а самих ирландских католиков изобразить жертвами притеснений и дискриминации. Следующая большая волна протестантских мигрантов и поселенцев в Ольстер была из Франции, откуда массово бежали французские гугеноты, которые укрепили позиции протестантов в Северной Ирландии и по-

могли усилить экономическое развитие региона.

По иронии судьбы, многие протестанты, не относившиеся к англиканской церкви, также попали под юридическую дискриминацию после принятия закона о вероисповедании служащих в 1673 году. Согласно этому закону, ко всем диссентерам (членам протестантских сект, отделившихся от англиканской церкви) нужно относиться также как к католикам. В Ольстере этот закон имел особую важность, так как большинство протестантов в этом регионе были пресвитерианами.

Таким образом, в Ирландии было установлено «англиканское превосходство». На острове возникла элитарная группа землевладельцев и чиновников-англиканцев, а также епископата церкви Ирландии, которые держали в своих руках всю политическую власть и получали поддержку со стороны короны за свою верную службу. Единственный университет в Ирландии (Тринити колледж в Дублине, основанный в 1596 г.), также находился под управлением англиканской церкви. Англиканцев можно было встретить и среди небольших землевладельцев, торговцев и даже рабочих, большинство из которых не были иммигрантами, а перешли из католицизма в англиканскую веру. Только англиканцы имели право занимать руководящие и представительские должности в регионе и управлять ирландскими крестьянами, как католиками, так и пресвитерианами. Законы против папистов и нонконформистов в полной мере не выполнялись, но фак-

тор англиканского превосходства на острове все же имел место, что заставляло некоторых представителей ирландского дворянства переходить в протестантизм, чтобы иметь возможность сохранить свои земли и влияние в стране. Тем временем, основная масса бедных ирландцев крестьян находила помощь и поддержку у своих католических священников.

Только католическое парафиальное духовенство оказывало моральную и материальную поддержку крестьянскому населению большей части Ирландии. Таким образом, между ирландцами и католической церковью образовалась тесная связь, которая очень значима и сегодня. Так как абсолютное большинство коренного населения Ирландии были католиками, современные националисты идентифицируют нацию именно с ними (а не протестантской элитой). Разделение ирландцев на подвластных бедных крестьян-католиков и богатую англиканскую элиту, стало своего рода бомбой замедленного действия. В девятнадцатом веке такое искусственное разделение ирландского общества на две культурно-религиозные группы, вскоре дало о себе знать.

Восемнадцатый век для Ирландии был временем мира, прогресса и процветания. Даже восстания католиков «якобитов» в Британии (1715 и 1745 годов) не получили какой-либо значимой поддержки в процветающей Ирландии с быстро увеличивающимся населением. Местная англиканская администрация эффективно занималась экономическим развитием региона, строила новые дома, фабрики,

возводила города, прокладывала дороги и сделала Дублин большим современным городом с процветающей торговлей. Члены местной элиты стали себя идентифицировать в большей степени с Ирландией и ирландскими интересами, что иногда приводило к политическим конфликтам парламентов Лондона и Дублина. Местная элита пыталась добиться большей автономии у короны, но при этом, легитимность королевской власти и британского единства не оспаривалась.

Это был век Просвещения и научного прогресса со своими новыми идеями, модными веяниями в искусстве и общественной жизни, что находило свое своеобразное отображение и в Ирландии. Работы Вольтера, Руссо, Канта, Локка, Гоббса, Смита и других известных философов эпохи, можно было легко найти в библиотеках образованных людей того времени. Одним из аспектов влияния времени на мысли и поведение людей можно отметить факт того, что враждебность между католиками и протестантами в Ирландии стала уменьшаться. Отсутствие серьезной угрозы со стороны католиков для центрального правительства, привело к отмене законов против папистов и нонконформистов, а также закона о вероисповедании служащих. К 1794 году единственным ограничением для католиков оставался запрет на избрание в парламент. Конечно, в 18 веке случались и проявления агрессии, и физические стычки между католиками и протестантами в Ирландии, но они в большей степени носили случайный бытовой характер, были незначительными

и случались достаточно редко. Историкам известны такие экстремистские группы ирландских католиков того времени, как «Белые парни» (White boys), «Защитники» (Defenders), «Люди с лентой» (Ribbon men), но эти организации не были политическими и действовали локально. Схожие группы радикалов и фанатиков существовали в то время и в других странах Европы, поэтому рассматривать деятельность этих экстремистских групп как проявление организованного национально-освободительного движения в Ирландии, будет неправильно.

В Ольстере, 18 столетие стало периодом, когда явно проявились отличия этого региона от остальной Ирландии. Путешественники по острову неизменно отмечали в своих воспоминаниях, что Ольстер выглядит чистым и ухоженным современным местом с процветающими городами. Наиболее заметным было развитие льняной промышленности, в которой был задействован преуспевающий средний класс коммерсантов-пресвитериан. Льняные мануфактуры были сосредоточены вдоль долины реки Лаган, соединяющей города Армах, Лисберн и портовый Белфаст. Кроме того, землевладельцы Ольстера долгое время поддерживали, так называемую «ольстерскую пошлину» (уникальную в Ирландии), предоставляя арендаторам право требовать компенсацию за проведенные улучшения арендованной фермы, в случае продажи своей земли. Такая практика помогла создать более успешную и коммерчески ориентированную модель эко-

номики, которая производила избыточную прибыль и была привлекательной для инвестиций. Более того, Ольстер имел крепкие экономические, интеллектуальные и религиозные связи с Шотландией, что также способствовало активному развитию региона.

Таким образом, Ольстер стал домом для экономически успешного и прогрессивного среднего класса протестантов-пресвитериан, который был очень недоволен своим неравноправием и дискриминацией, наложенной законом о вероисповедании служащих 1673 года. Политические и гражданские ограничения, наложенные данным законом, стали причиной появления радикальных ирландских политиков, находящихся под влиянием идей Френсиса Хатчесона (одного из отцов-основателей Шотландского Просвещения). Идеи Хатчесона, в частности, право на восстание против несправедливого правительства и свободу личности от феодальных ограничений, а также, идеи Адама Смита о рыночной экономике – оказали сильное влияние на радикальных пресвитериан в Шотландии и Ирландии.

К пресвитерианам Ольстера также относились те ирландцы и шотландцы, которые в огромном количестве мигрировали в Америку на протяжении всего восемнадцатого столетия. Мигранты из Ирландии и Шотландии приносили в новые земли свои радикальные политические и экономические взгляды, что, несомненно, оказывало определенное влияние на американскую политику того времени. В результате когда

американские колонии восстали против британского правления, многие ольстерские пресвитериане открыто поддерживали их, и даже пытались следовать примеру американцев. Кстати, первое консульство Соединенных Штатов Америки за рубежом было открыто именно в Белфасте.

Американцы, родившиеся в Ольстере, стали основателями движения ополчения в США, известного как «милиция». В Ирландии, местные пресвитериане вскоре стали главным рассадником радикализма, что в результате привело к «Великому собранию» 1782 года, когда около 60 тысяч ирландцев собрались в городе Данганнон (графство Тирон в Северной Ирландии), чтобы провести дебаты по поводу будущего Ирландии. Это собрание стало платформой для таких радикальных политиков, как члены парламента Грэттан и Флуд, которые требовали автономии ирландского парламента.

Большинство ирландских протестантов, как пресвитериане, так и англиканцы, не были революционерами, хотя и поддерживали предоставление большей автономии парламенту Ирландии от Лондона. Тем временем, католики, которые не принимали участия в дебатах по поводу автономии Ирландии, увлеченно следили за происходящим, так как понимали, что политические изменения могут положить конец религиозным ограничениям и дискриминации. Оставшиеся представители католической элиты, все же, старались быть в стороне от радикальной политики, помня о предыдущих неудачах и боясь потерять свое имущество. В своих

действиях ирландские католики оставались консерваторами, как в религии, так и политике. Более того, позиции католической элиты в Ирландии упрочились именно из-за того, что они держались в стороне от большой политики и заговоров.

После 1780 года, религиозная сектантская агрессия в Северной Ирландии стала увеличиваться в связи с требованиями рабочих более открытого рынка труда для представителей разных конфессий. Это в особенности касалось льняной индустрии Ольстера, которая переживала подъем. Привилегированное положение протестантов по отношению к католикам, привело к всплеску насилия и конфликту между рабочими (столкновения банд-группировок католических «Defenders» с протестантскими «Peep'o Day Boys»). Одно из таких столкновений произошло в 1795 году, которое непосредственно привело к созданию англиканского «Оранжевого ордена». Орден был создан пресвитерианскими крестьянами и рабочими, но поддерживался джентри (мелкопоместное дворянство и буржуазия), которые желали сохранить статус-кво, обеспечить свою безопасность и мир в регионе. Орден основан в Лоугхолле, графство Арма в 1795 году, после Алмазной битвы между католиками и протестантами. Орден «оранжистов» главным образом был создан для защиты интересов протестантов (пресвитериан), сохранения их превосходства и привилегий на территории Ольстера. Можно сказать, что «Оранжевый орден» был продуктом и результатом экономического развития региона, когда новые ком-

мерсанты-пресвитериане, владевшие льняными мануфактурами, были готовы заменить протестантских рабочих католиками, с целью сократить расходы на зарплату рабочих. Рабочим-католикам можно было платить намного меньше, чем протестантам, но при этом рабочие места оставались у католиков.

Сегодня республиканцы утверждают, что протестантские радикальные движения и «Оранжевый орден» возникли ранее католических, и соответственно, ирландские националисты вынуждены были для своей защиты также объединяться в военизированные группировки. В частности, «добровольческое движение» вооруженных групп граждан впервые возникло, именно в Ольстере и было инициативой пресвитериан, а не католиков.

Вплоть до конца девятнадцатого века население Ольстера, фактически, было разделено на три религиозные конфессии: англиканцы, пресвитериане и католики. Наиболее радикальными в то время были именно пресвитериане, а не католики. Когда во Франции началась революция в 1789 году, радикальные настроения в среде протестантов Ольстера постепенно сошли на нет, так как британское правительство и ирландские лоялисты очень опасались возможного французского вторжения в Ирландию.

«Добровольческое движение» и радикальные группировки Ольстера, стали тем фундаментом, на котором сформировалась организация известная как «Объединенные ирланд-

цы» (*the United Irishmen*) во главе с Вольфом Тоном (протестантом из Дублина). Именно организацию «Объединенные ирландцы» современные республиканцы считают первой ирландской революционной организацией, борющейся за свободу и независимость Ирландии, которая, по сути, является прообразом ИРА.

«Объединенные ирландцы» в основном состояли из ирландских католиков, но лидерами организации были именно радикальные пресвитериане из Ольстера, которые впервые выдвинули националистическую идею о свободной и независимой ирландской республике. «Объединенные ирландцы» в своей политической идеологии полностью опустили религиозный вопрос и конфессиональное разделение нации на католиков, диссентеров и англиканцев. Единственное значение для них имела ирландская нация, как этнос, которая имела естественное право создать свое собственное государство, независимое от Великобритании. Вольф Тон и «Объединенные ирландцы», были воодушевлены идеями французской революции и успехами американцев, которые смогли отстоять свою независимость от британской короны.

В 1798 году «Объединенные ирландцы» при поддержке французов организовали крупное восстание против английского владычества в Ирландии. Ирландское восстание 1798 года занимает особое место в истории Ирландии и республиканского движения.

Вольф Тон, лидер «Объединенных ирландцев» вступил

в контакт с французским правительством и генералитетом, убеждая Директорию оказать ирландцам военную и финансовую помощь в организации восстания. В Париже Тон виделся с Карно, Гошем и Бонапартом и добился того, что в 1796 году к берегам Ирландии была отправлена французская флотилия, под командованием генерала Луи-Лазара Гоша. Но экспедиция не удалась вследствие сильной бури. 22 августа 1798 года отряд французской армии численностью в 1000 человек под командованием бригадного генерала Жана Юмбера был высажен в Киллале, графство Мейо. Теоретически это должен был быть лишь авангард французских сил, однако по ряду причин французам так и не удалось перебросить подкрепления на помощь Юмберу. В итоге усилив свой отряд местными добровольцами (после чего численность его войск составила по одним данным 2000, а по другим 6000 человек) Юмбер двинулся на восток, к Дублину. Удачно маневрируя, он смог разбить превосходящие по численности отряды британцев под Каслбаром и захватить город, который стал столицей Республики Коннахт, провозглашенной «Объединенными ирландцами». Президентом Республики Коннахт стал Джон Мур.

Однако отсутствие ресурсов и подавляющее численное превосходство британских войск привело к тому, что 8 сентября 1798 года в битве при Баллинамаке войска Юмбера были разбиты английским генералом Лейком. Жан Юмбер, Вольф Тон и другие лидеры восстания попали в плен к бри-

танцам. Вольф Тон, как лидер «Объединенных ирландцев» был приговорен к смертной казни, но в ожидании ее он, находясь в тюрьме, перерезал себе артерию с помощью перочинного ножа и через несколько дней умер в мучительной агонии. Всего через четыре месяца после начала восстание было подавлено, а уже через 2 года парламент Великобритании принял решение о присоединении Ирландского королевства (Акт об унии от 1800 года) к Великобритании (объединенному королевству Англии и Шотландии). Новое государство получило название – «Соединенное королевство Великобритании и Ирландии».

Главными причинами поражения Ирландского восстания можно назвать в целом плохую организацию революции, слабую поддержку восстания Францией, а также отсутствие единого командования и эффективной координации повстанческих сил в разных частях острова. Кроме того, значительная часть ирландской англиканской и католической элиты острова не поддержала восстание из-за чрезмерно радикальных идей революции. Французский лозунг: «*Свобода! Равенство! Братство!*» не находил поддержки у консервативного населения острова. Предлагаемая «Объединенными ирландцами» концепция республиканского государственного устройства Ирландии, которая не предусматривала сохранения привилегий для дворян и духовенства, также не способствовала единению нации. Восстание привели к фиаско и частым случаям религиозного насилия, например в южной ча-

сти острова ирландские крестьяне во главе с католическими священниками устроили очередную массовую «резню» протестантов.

События 1798 года лучше всего продемонстрировали отсутствие единства ирландцев, а также глубинное «сектантское» разделение общества по религиозному признаку. Но, несмотря на поражение восстания и сопутствующие проблемы, события 1798 года значительно способствовали развитию в ирландском обществе самой идеи революционной борьбы против британского правления. Кроме того, в ходе восстания протестанты вспомнили об угрозе со стороны католического большинства, которое, в случае обретения Ирландией независимости, может с ними «расправиться» физически. Страхи протестантского меньшинства привели к осознанию ими важной роли британского правительства, которое не только придушило восстание, но и прекратило религиозное насилие, пробудившееся на острове в ходе событий 1798 года. С этого момента протестанты Ирландии связывали свою безопасность исключительно с Лондоном и английским правительством. Великобритания, в свою очередь, вспомнила об угрозе своей безопасности со стороны Ирландии, где высадились французские войска для поддержки восстания 1798 г. и откуда потенциально могло начаться иноземное вторжение на территорию самого британского королевства.

В результате Ирландское восстание 1798 года не только

не ослабило Лондон, но, наоборот, привело к укреплению британской власти над островом и способствовало созданию Соединенного королевства Великобритании и Ирландии, которое стало сильнейшим государством посленаполеоновской Европы и оставалось одним из лидеров мировой геополитики на протяжении 19—20 веков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.